

Олег Рудковский

Кабá

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Рудковский

Кабá

«Автор»

2020

Рудковский О. А.

Кабá / О. А. Рудковский — «Автор», 2020

На прием к подростковому психотерапевту Виктору Петрову попадает 13-летний Игорь Мещеряков, страдающий лунатизмом. Неожиданно Петров обнаруживает, что его молодой пациент обладает жизненной философией, глубина которой порой даже пугает. В процессе дальнейшего общения Петров начинает подозревать, что вся эта философия, равно как и лунатизм - ширма, за которой скрываются более глобальные и страшные вещи. Содержит нецензурную брань.

© Рудковский О. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Докапывальщики.	6
Глава 1. У Петрова-1.	7
Глава 2. На улице – 1.	15
Глава 3. На тренировке – 1.	19
Глава 4. Дома – 1.	25
Глава 5. У Петрова-2.	34
Глава 6. Дома – 1 3/4	43
Глава 7. В школе – 1.	50
Глава 8. У Петрова-3.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Рудковский

Кабá

Эта повесть посвящена родителям.

Часть 1. Докапывальщики.

Сон разума рождает чудовищ.

Гойя.

Следи за собой, будь осторожен.

Цой.

Глава 1. У Петрова-1.

Он сказал:

– В 19 веке один парижский сыщик по имени Робер Ледру столкнулся с расследованием, после которого у него случился сильнейший нервный срыв. Был ли срыв следствием лишь этого дела, или же накопительным следствием всей его работы, – я не знаю, я не занимался этим вопросом. Наверное, если покопаться в архивах, можно установить достоверно. Но все это в далеком прошлом, и в нашем конкретном случае нас интересует не это.

Он сказал:

– На работе Роберу дали отпуск и отправили его подлечить нервы в Гавр. Во время отпуска в Гавре случилось преступление: был убит некий Моне. С известным живописцем его связывает лишь одинаковая фамилия, более ничто. Моне пришел на ночной пляж искупаться, там его и настиг убийца, который застрелил Моне в упор. Все вещи Моне были аккуратно сложены рядом с телом, ничего не пропало, вдобавок преступник не особенно озаботился сокрытием следов. Улик вокруг осталось предостаточно.

Он сказал:

– Несмотря на это, жандармерия зашла в тупик: они не смогли определить, кому так насолил бедняга Моне за то короткое время, что он провел в Гавре. Моне тоже был родом из Парижа, и приехал в Гавр, как и большинство, в отпуск. Причем приехал одиночкой, чтобы можно было заподозрить в преступлении каких-нибудь его попутчиков. Все свидетели, которые сталкивались с Моне в Гавре, утверждали, что парень имел покладистый характер, никто не упоминал о каких-либо разногласиях или ссорах. Парень приехал отдыхать и ходил на дзене. Таким образом, местным жандармам не оставалось ничего другого, кроме как обратиться к Роберу Ледру, парижскому сыщику на отдыхе. И хотя Робер приехал сюда как раз таки отвлечься от подобных дел, он согласился поучаствовать в расследовании.

Он сказал:

– Робер изучил основные улики по делу, которые состояли в том, что а) убийца был в носках и б) выстрел произведен из «Парабеллума». Чтобы был понятен ход мыслей сыщиков того времени: носки исключали опознание подошв ботинок, а пуля сводила к минимуму опознание оружия, потому как «Парабеллум» тогда таскал чуть ли не каждый второй. Однако Роберу, помимо всего прочего, удалось определить по отпечатку, что у преступника не доставало пальца на правой ноге. Этот факт привел сыщика сначала в замешательство, а потом в ужас. Он вернулся в гостиницу, произвел выстрел из собственного «Парабеллума» и сравнил пули. Сомнения отпали. Именно из его оружия и был сделан выстрел, и именно он, Робер Ледру, был тем человеком, у которого отсутствовал палец на ноге.

Он сказал:

– Ледру пошел в жандармерию и сдался. Он сказал, что у него есть убийца, но отсутствует мотив. Робер Ледру всю ночь спал в гостинице. Он был в этом совершенно уверен. Он не был знаком с Моне, хотя они оба парижане. Робер не страдал забывчивостью, потерей ориентации или вспышками гнева, чтобы можно было применить к случившемуся хоть какую-то логику. Но все-таки Ледру повезло. В те времена психиатрии уже был известен феномен сомнамбулизма, который рассматривали как болезнь. Поэтому Ледру не стали сжигать на костре, а предали суду, который в конечном итоге его оправдал. Суд счел, что человек в состоянии сомнамбулизма не должен нести ответственность за свои преступления.

Он сказал:

– Тем не менее, Ледру был убежден, что опасен для общества. Он уволился с работы, забросил сыщицкие дела и остаток жизни провел в отдаленной ферме, оградив себя от цивилизации. Себя он окружил надсмотрщиками в лице медсестер психиатрических учреждений.

И хотя больше подобных инцидентов не повторялось, Ледру до конца жизни оставался в собственной тюрьме. Никто не связал этот случай сомнамбулизма с нервным срывом, который произошел у Ледру на работе, а если это и было сделано, то мне об этом ничего не известно. Есть мнение, что именно в этой области следует искать ответы и психические связи. Вот только я лично так не думаю.

Он взглянул на них, помолчав. Мужчина и женщина напротив, на диване, в его кабинете. Оба средних лет, мужчина чуть постарше – русоволосый, в футболке и джинсах, в руках тихо позвякивают ключи от машины. Обычная внешность, за исключением крючковатого шрама на лбу. Последствия детских шалостей или несчастного случая. Женщина – симпатичная, даже яркая, в то же время собранная и хладнокровная. Пока он говорил, она не то что не двинулась, не пошевелила даже бровью. Неподвижный взгляд уперся в сумочку на коленях. Есть еще третий персонаж с ними – пацан, что сбоку, со стороны матери. Пацан и есть причина этого визита, со всех сторон неудобного. Пацан тоже не глядит ни на кого, а взирает в окно, и, судя по виду, давно высвободил свое сознание из тела и отправил его куда подальше, в какие-нибудь миры Амбера. Очень странно, что не вертит в руках мобильник, это нетипично.

Правую половину пацанского лица облюбовал синяк. Этаким знатный синячище, из тех, что возникают после поединка с кулаками, или с архитектурными конструкциями, или же с асфальтом. Так что пацан навскидку весьма смахивал на гопника, а не на примерного сына. Но он не гопник. Был бы гопником, торчать его предкам сейчас в иных учреждениях. Не гопник, всего лишь проблемы с архитектурными конструкциями. И, судя по всему, с нейронными тоже.

Он сказал:

– Я думаю – Моне. Искать нужно было в первую очередь в прошлом Моне, и расследовать именно его. Я думаю, что Моне был преступником. Серийным преступником. Я думаю, по долгу службы Ледру часто сталкивался с нераскрытыми преступлениями. Я думаю, он находил улики, которые интуитивно связывал между собой, приписывая их одному человеку, одной преступной руке. И его сознание составило психологический портрет предполагаемого преступника, а подсознание дорисовало портрет натуральный. Возможно, накануне Ледру столкнулся с Моне на улице, или на пляже, или еще где-нибудь. И во сне его тайное «я» начало действовать, поскольку сознательное «я» понимало – у него нет никаких шансов доказать причастность Моне и привлечь того к суду.

Женщина напротив впервые оторвала взгляд от сумочки и взглянула ему в глаза. Ее звали Вероника Мещерякова, и имя ей шло.

– Экскурс в историю удался,– произнесла она ровным, безэмоциональным тоном.– А если ближе к современности?

Он миролюбиво улыбнулся, как бы показывая, что кролик в шляпе на подходе, и не нужно так язвить. Затем сказал:

– Я встречался с тремя случаями лунатизма. Двое детей со схожими проблемами были у меня на приеме. У одного мальчика нам удалось определить причину, и проблема ушла. С другой девочкой получилось сложно, родители не шли на контакт, и мы продвигались тяжело. А потом случаи лунатизма вдруг прекратились, родители решили, что дочка их переросла, и теперь все в порядке. Я попытался их предостеречь по поводу вытеснения. В психологии есть такой термин – вытеснение, это когда ребенок, или взрослый, напряжением психики исключают проблему из сознания, а в нашем случае с этой девочкой все могло быть опаснее, поскольку речь шла о подсознательных процессах. Вытеснить из подсознания еще глубже, в область неопознанного, это могло привести к проблемам уже во взрослой жизни. Могло привести к рецидиву, и кто знает, каким он будет. Быть может, в точности как у Робера Ледру. Но родители девочки посчитали, что я пытаюсь выжать из них денег на пустом месте и от дальнейшей терапии отказались.

Затем он сказал:

– Еще с одним случаем лунатизма я столкнулся в детстве. Я учился в школе, и моя одноклассница, Наташа, попыталась покончить с собой. Прямо на уроке. Мы сидели на третьем этаже, кажется, география. Следуя СанПиН, проветривать классы надлежит только во время перемен, до или после урока, но во время моего детства на нормы часто забивали, поскольку строгого контроля, как сейчас, никто не осуществлял. Короче говоря, стоял май, и окно было открыто. Прямо посреди урока Наташа поднялась, подошла к окну, вскарабкалась на подоконник и сиганула вниз, с третьего этажа. Никто даже ничего не успел понять, не то чтобы попытаться предотвратить.

Он сказал:

– Наташе повезло, учитывая то, какие в школах высокие потолки, и третий этаж там намного выше, чем у жилого дома. Она сломала обе ноги, но осталась жива. Причины, которые подтолкнули ее к окну, так и не смогли определить. Милиция опрашивала родителей и всех одноклассников, но мы совсем ничего не знали. Решили по умолчанию, что проблемы на любовном фронте. Наташу, когда она оклемалась, перевели в другую школу, и вскоре о ней забыли.

Он сказал:

– Но я был из тех, кто знаком со старшим братом Наташи. И мне кое-что удалось разузнать. Оказывается, Наташа страдала лунатизмом. Не так чтобы навязчивым, несколько эпизодов в году. Обычно они заканчивались тем, что девочка совершала бесцельный круг по квартире и сама укладывалась спать. Но вот последний раз... Это случилось как раз накануне трагедии. Ее брат проснулся посреди ночи и увидел, что Наташа стоит на подоконнике. Перед открытым окном. Брат знал, что ее нельзя будить в таком состоянии, но что ему оставалось делать, пацану, который понимал, что у него в запасе секунда-две. Он схватил сестру за ноги, не дав той выпасть из окна, и тем самым разбудил ее.

Он сказал:

– Последствия оказались такими, какими оказались. И сейчас, оглядываясь назад, я теряюсь в догадках. Что это было? Наташа заснула на уроке, и во сне закончила то, что начала накануне ночью? Или же она вовсе не засыпала? Это сон вторгся в явь и стал управлять ее телом, ее разумом? Я не знаю. Работа с ней наверняка прояснила бы эти вопросы. Но была ли она впоследствии вообще проделана? Иллюзий я не питаю. Когда мы учились, не было у нас такого понятия – школьный психолог. Вообще никаких психологов окрест. Только мы наедине со своими проблемами.

Теперь голову вскинул мужчина, перестав накручивать связку ключей, как спасительные четки. Его звали Сергей Мещеряков, и это имя ему тоже удивительно шло, если такое вообще можно применить к мужику. В отличие от жены, в глаза он не смотрел, а смотрел на галстук собеседника.

– Я не готов парня в психи записывать. В школе у всех проблемы. Меня вообще на второй год хотели оставить, и ничего, прорвался. И не горюю особо. Лучше уж так, чем пацана кошмарить и комплексы навязывать. Нормальный пацан, на мой взгляд, в дзюдо ходит.

Он предостерегающе поднял руку. Сказал:

– Никто никого никуда не записывает. Особенно в психи. Я просто пытаюсь вам донести, что мы имеем дело со следствием, не с причиной. Причина подчас глубоко скрыта, ее нужно искать. Причину пациенты прячут, даже сами от себя.

Они молчали. Мужчина разглядывал ключи от машины, женщина – сумку. Парень – двор за окном. За все время он так и не полез в карман, или в свой рюкзак, который болтается у его ног, чтобы вытянуть телефон и проверить свежие новости в сети. Станный тип. В то время как на лице родителей муки сомнения, на лице сына – межзвездное пространство, как будто все так и надо.

– Расскажите подробнее, как это происходит? Эти ночные хождения?

Сергей Мещеряков непроизвольно покосился на жену. Вероника не дрогнула, не повела бровью, и смотрела на сумку еще довольно продолжительное время, а ее муж накручивал свои ключи чуть более лихорадочно, ожидая от нее активных действий. Она и сама это понимала.

– Началось давно. Игорь ходил в первый класс. Все здорово тогда перепугались. Потому что никто ничего не слышал ночью. Просыпаемся утром – Игорь лежит на полу, в прихожке, голова разбита, кровь на волосах. Засохла уже. Сколько он так лежал, не представляю. Я сначала решила, что кто-то залез к нам в квартиру, Игорь проснулся, и грабитель напал на него. Мне просто ничего больше в голову не приходило, кроме этого бреда, и я уже почти вызвала полицию. Но не вызвала.

Она перевела дух.

– Стали его тормозить, он почти сразу очнулся. Смотрит по сторонам, ничего понять не может. Поехали в больницу. Скорую вызывать не стали, такси вызвали, а пока ждали, кровь отмыли. Потом уже в такси сложили мозаику. Получалось, что Игорь встал ночью в туалет, споткнулся в темноте, упал, ударился головой и потерял сознание. На этом и остановились. Убедили себя в этом. О том, что лежал он никак не по пути в туалет, а скорее по пути к входной двери, думать тогда не хотелось. Ну даже если бы хотелось и *подумалось*, много мы бы из этих думок не выжали. В больнице тоже держались этой версии. Никто не задавал вопросов, никто не косился. Осмотрели голову, смазали ранку – она была мизерной, даже зашивать не пришлось, больше крови и испуга, чем вреда. На всякий случай сделали рентген. Сотрясения нет, все нормально, обычный ушиб. На этом все. Успокоились и забыли.

Теперь пауза длилась дольше. Впервые на лице Вероники Мещеряковой отразились какие-то маломальские эмоции – она хмурилась, сосредоточившись на сумке. Сергей продолжал теребить ключи. Игорь Мещеряков витал в нирване, руки расслаблены, поза вежливая.

– Несколько месяцев ничего не происходило. А когда повторилось, с первым случаем никто и не связал. Это было по-другому, совсем не так. В ту ночь я проснулась от голоса, и я опять подумала, что в доме посторонний. Но запаниковать не успела. Потому что голос читал стихи. Я пошла туда. Игорь стоял лицом к стене, впритык, с закрытыми глазами, и бубнил эти свои стихи. Я испугалась. Я вспомнила о лунатиках, о том, что их нужно будить как-то по-особому, как-то правильно, иначе случится беда. Или не будить... Я вообще об этом ничего не знала. Не знала, что делать, просто стояла и смотрела на него, а он бубнил и бубнил, а потом резко перестал, пошел и лег спать.

Она пожала плечами, и это скорее напоминало судорогу.

– Что за стихи были?– спросил он.– Вы узнали их?

– Стихи... Это просто так говорится – стихи. Не стихи совсем, я даже не знаю, как описать.– Она тряхнула головой.– В детстве был такой мульт «Тайна третьей планеты». Знаете?

Он кивнул. Он знал.

– Ну вот. Там в одном месте компьютер начинает говорить: «Планета Шелезяка. Воды нет. Растительности нет. Населена роботами».

Он вновь кивнул. Он помнил.

– Это было примерно то же самое. Чужой голос, как у робота. И эти фразы, которые не имели смысла. Вроде «растительности нет, воды нет, воздуха нет, ничего нет, кругом пустота». И так далее, и все заново по кругу. Я не знаю, что это было. А Игорь, разумеется, не помнит.

Вероника Мещерякова растегнула молнию на сумочке, заглянула внутрь, вновь застегнула. Совершенно ненужные действия как индикатор нервозности. По ходу рассказа в ней все больше и больше просыпались эмоции, и такой она нравилась куда больше.

– В любом случае, таких поэтических ночей больше не повторялось. Все другие случаи – по аналогии с первым. Следующий произошел уже очень скоро. Проснулись ночью от шума. Игорь лежал в своей комнате, на полу. Слава богу без крови. Но приложился сильно, с утра синяк был, примерно как сейчас.

Она посмотрела на сына, словно сравнивая его теперешнего и тогдашнего.

– Растормошили, начали расспрашивать, пока свежо. Говорит: ничего не помню. Сон страшный приснился – помнит. От кого-то убежал во сне – помнит. Больше – ничего. Уложили дальше спать. Не обсуждали этот случай тогда, избегали. Но уже понимали – беда. Через какое-то время – новый инцидент. Потом еще. И еще. Пытались дежурить ночью – без толку. Пока дежуришь – все ок, спит. А каждую ночь не подежуришь, с утра на работу. И постоянно после таких пробуждений жалуется на кошмары. Мы предполагаем, что от этих кошмаров он и вскакивает. Но не просыпается, как обычные дети, а продолжает спать. Всккивает, пытается убежать, тело не слушается, он падает на пол. Иногда ему удается пройти немного, как в тот первый раз – аж до прихожей. Но, как правило, все заканчивается падением в его же комнате. Мы постелили там двойной ковер, чтобы было мягче. Проблему это решило частично. Потому что, как я уже говорила, иногда ему удается сделать сколько-то шагов. И он может с налету врезаться в косяк, или в дверь, или в стену. Он может удариться обо что угодно.

– В школе вопросы возникают? – спросил он.

– Еще как! – Вероника невесело усмехнулась. – Мы говорим, что это от тренировок. Он ходит в дзюдо, уже несколько лет. Все привыкли. Игорь тоже так говорит, мы втроем условились. А в дзюдо в эти дни, наоборот, – не ходит. Что еще остается? В ПНД идти – не вариант. Запишут в психи. Такого счастья мы не хотим ему. И не говорите о врачебной тайне, я на этот бред не поведусь. Узнают в ПНД – узнают учителя. Узнают учителя – узнают все. Схема слишком отработана, чтобы в нашем случае было иначе. Но сидеть ровно и ничего не делать тоже не вариант.

– Насколько я понял, такие случаи со временем стали чаще?

Вероника кивнула.

– Чаще. По нарастающей. Но трагедия даже не в этом. Игорь сам уже не ребенок. Ему не семь лет, когда можно проснуться, помазать зеленкой ушиб – и через пять минут забыл. Он уже вполне взрослый, чтобы осознавать весь ужас ситуации. И бояться ее. Или себя.

– Не замечали у него подрагивания конечностей? Во время его приступов, или в другие дни? Что-то, что могло бы намекнуть на патологию? К примеру, часто лунатизм идет рука об руку с эпилепсией.

– Это я только так говорю, что врач в поликлинике не вариант. На самом деле, кучу врачей мы обошли по два круга. Платно, в обход участковых. В соседние города ездили, чтобы наверняка. Причину не называли, типо рядовое обследование. Сдавали кучу анализов. И делали МРТ головного мозга. Если бы у него была эпилепсия, мы бы выявили. Но нет, совершенно здоровый ребенок. С виду.

Он не был в этом столь уверен, как эта дама. При отсутствии самой причины обращения к медикам, анализы могут и не выявить глубокой проблемы, потому как элементарно неизвестно, где искать. Но вообще, их политика кажется здоровой. Сначала они отсеяли то, что могло лежать на поверхности – эпилепсию, черепно-мозговые травмы, энурез, шизофрению – наиболее распространенные причины детского сомнамбулизма. Затем решили попробовать с платным психотерапевтом – все-таки, если говорить о врачебной тайне, то в этом здании она самого высокого уровня. В противном случае, к ним перестанут ходить, и веселье конец.

– Он не выказывает агрессии по отношению к вам в такие ночи?

Мужчина удивленно вскинул глаза. На лице женщины не дрогнул ни один мускул. Ее выдержка была столь поразительной, что граничила с ненормальностью.

– Он не успевает выказать вообще ничего, – сказала она. – Он не совершает долгих прогулок по крышам. Это состояние длится от силы несколько секунд, потом он падает. Исключение – тот давний случай со стихами. Но таких случаев больше нет. И я иногда думаю, это было что-то совсем другое...

– Хорошо. Из того, что я услышал, могу предложить стандартную процедуру. Встречи три раза в неделю здесь, в кабинете. Пусть приходит, и мы будем беседовать. Цены на ресепшене, также есть на сайте.

– А что значит – беседовать? – поинтересовался Сергей Мешеряков, отец, муж и автовладелец. – О чем? И какой смысл?

Он был готов к этому вопросу. Этот вопрос звучал в девяти случаях из десяти.

– Начнем с того, что вы уже сами определили: проблема сама не решится. Уповать на какие-то кардинальные меры, вроде электрошока, явно преждевременно. – Он демонстративно улыбнулся, показывая, что пошутил. Шутку не оценили. Не удивительно. – Я ничего не имею против лекарств. Но прежде, чем переходить к лекарствам, нужно все-таки понять причину сбоя в вашем сыне. Именно эту причину я планирую найти. И если причина эта имеет психологическую основу, то я ее найду, могу вас заверить. А после этого мы встретимся и обсудим дальнейшие шаги. Если они вообще потребуются. Иногда с виду гигантские проблемы громоздятся на пустяковом фундаменте.

Он видел, как неуверенность продолжает занимать большую часть их мыслей. Он видел синхронность их внутренних сомнений, и он был уверен, что уже давно у этих двух не совпадали внутренние ритмы. Их достаток колебался в пределах средних показателей. Он – скорей всего ИП-шник, занимается монтажом – окон, дверей, каких-нибудь фонарей, гардин, тех же потолков. Или отделочник, специализируется на ремонтах. Кипучую деятельность главы семейства выдает его неусидчивая манера накручивать ключи, а нишу деятельности – простецкий вид. Она – может быть кем угодно: секретарь, бухгалтер, оператор. Только не продавец, слишком высокая корона. Принадлежит большинству женщин номинальных специальностей. Карьера, без сомнения, высвечивалась на первых порах – пока училась. Но потом рождение ребенка, три года декрета, как всегда, обезличили академические достижения. И нужно было начинать все заново, а не больно-то хочется, так что довольствуется средней должностью.

Ребенок, скорей всего, причина брака. Он – простой, как свои ключи и брелок, она – с большими претензиями и нулевыми возможностями. Не будь у него квартиры по наследству от бабки или какой-нибудь двоюродной тетки, ряды абортесс пополнились бы. А у нее за душой не шиша, с предками ютится в однушке. И еще один мощный показатель: не подцепили вирус «материнского капитала». Хотя с закрытыми глазами очевидно: он был за второго ребенка, она – категорически против.

Ну, как-то притерлись, какие заусенцы могли – сточили, какие не могли – сточились заботами. Ребенок – всегда связующее звено, даже если его футболить туда-сюда от отца к матери. Он немного встал на ноги, взял тачку в кредит – с гордостью, и ключами бряцает, когда не лень, она же – как должное, с такой же хладнокровной миной. Научились со временем не думать «а как было бы». Она научилась, его-то как раз все устраивает. Узнай он о текущем раскладе, психолог потребуется уже ему.

И вот теперь проблема, которую не вычешь и не сточить. Хотя попытки были титанические. Сколько они задвигали ее, шесть лет? И даже преуспели. Однако неудобные вопросы присутствовали всегда, и они копились, как ил. И однажды заполнили реку, превратив ее в топь. Кто-то начал подозревать, вопросы стали совсем неудобные. Ювеналка не дремлет, особенно в последние годы. Истина про лунатизм разрушит все 13 лет самообмана – влегкую, одним движением. Потому что это карточный самообман, у него нет фундамента. Как всегда, как и во все времена, проблемы ребенка – это проблемы родителей. Предки – умственные сомнамбулы, дети – уже физические. Только им этого не скажешь. Не потому даже, что хлопнут дверью, а он потеряет клиентов (хотя это тоже причина, ибо в клинике строгие финансовые планы). Они просто не поймут, о чем он тут мелет. Мозг уже как консервная банка с постоянно-герметичным содержимым. Чтобы проникнуть внутрь, слов не достаточно, нужен нож и усилие.

Он разбирался в психологии людей. Детей – в особенности, это было его ремесло. Он имел практику в филиале Медси, куда проник сквозь смазанную блатом лазейку, но со временем себя оправдал. По уставу клиники персонал был обязан носить белые халаты, и он носил. Но добавил от себя деталь – надевал халат поверх черной рубашки с ярко-желтым галстуком. Ну, он любил желтый цвет. Но не это главное. Яркое желтое пятно – магнит для взглядов. Подавляющее большинство посетителей пялилось на его галстук в обход глаз, и это позволяло ему спокойно наблюдать за пациентами.

Но были и исключения. Вероника Мещерякова, кажется, даже не замечала его галстука. А ее муж – напротив, только на галстук и косился.

Он разбирался в психологии. Но провидцем он не был. И он не знал, что сейчас подвел себя к порогу двери. Несуществующей двери, образной. И за этой дверью явно не метафорический персонаж в черном балахоне позвякивал явно не метафорической косой.

Он сказал:

– Главный вопрос в том, как ко всему этому относится сам Игорь.

Он разглядывал пацана. Тот разглядывал окно с видом гопника. Точнее, картину за окном. Окно первого этажа выходило во внутренний двор, там располагалась детская площадка, сейчас почти пустующая. Ну и рожа у тебя, Игорек. Если он шандарахнулся плашмя с высоты своего роста – то, как и Наташа, легко отделался. Мог бы сломать нос. Или выбить зубы. Вполне соизмеримая награда для такого падения. Пока у парня явно удача, но удача – это не брачный партнер, уйдет – и не оглянется. Двойной ковер они ему постелили... Настанет день, и он ринется в ванну – прямо лбом о зеркало. Или же прямым ходом – в окно. По статистике, подобный исход в случае с детским лунатизмом составляет 25%.

– Игорь!

Парень мигнул и оторвался от окна. Взгляд сосредоточился на желтом галстуке. Он вообще не похож на тех подростков, которые смотрят в глаза и общаются со взрослыми на равных. Правая половина лица выглядела зловещей. Доктор Джекил и мистер Хайд в одном флаконе.

– Как насчет встреч, скажем, вторник-четверг-суббота?

– Норм! – вклинился отец, хотя того не звали, и вообще он явно не активный участник. С таким же успехом мог в машине посидеть. – У него среда-пятница тренировки, а так свободен, каникулы же.

– Я все-таки хотел бы Игоря услышать.

Сергей Мещеряков насупился и вцепился в ключи. Игорь опустил взгляд и глухо буркнул:

– Можно.

Он не знал, что своим коротким, неброским словом Игорь открыл для него дверь, за которым его поджидало основное подведение итогов. И он, не думая, переступил порог.

– Отлично. Вы на каком этаже живете?

Секундная заминка. Все-таки ему удалось озадачить Веронику Мещерякову, выглядящую и держащую себя пуленепробиваемо.

– Седьмом...

– Кондиционеры имеются?

– Да... Три. В каждой комнате. У нас две комнаты, плюс кухня, мультисплит стоит.

– Окна пластиковые?

Вновь секундная заминка.

– Пластиковые.

– Балкон тоже застеклен?

– Тоже застеклен. Это что-то значит? Микробы от кондеров?

– Речь не об этом. Самое первое, что вам нужно сделать: окна закрыть. Все без исключения. Купите ручки с замком. Ключи от ручек – спрятать. Игорю не говорить – где. Провет-

ривайте квартиру только в своем присутствии, и ключи от ручек доставайте так, чтобы он не увидел, где вы их храните. Второе: если нет дверного замка, который изнутри закрывается на ключ,— врежьте.

– Он есть, но мы не пользуемся,— сказал Сергей.

– Теперь пользуйтесь. На ночь закрывайте на ключ, ключ прячьте. Третье. Сделайте какой-нибудь сигнал. Вроде колокольчика на веревочке. Так у вас появится шанс успеть к Игорю до падения. Хоть вы и говорите, что такое состояние длится всего несколько секунд – тем не менее. Ведь до прихожей он однажды дошел. Перед сном запрещены фильмы-триллеры, компьютерные игры, вообще все то, что возбуждает. Рекомендуются книги, легкая музыка. Либо старые советские фильмы. Американская классика тоже сгодится.

Они пялились на него. Теперь оба – на него, не на галстук. Все сомнения вдруг вытеснились испугом. Вдруг стало доходить, что шутки кончились. Да и не шутил никто, давно уже, несколько лет как кончились, и чего ждали – непонятно. Сейчас они начинают осознавать, насколько все серьезно.

Ну, а чтобы не забыли это чувство, выйдя из кабинета, он решил поднажать.

– И еще одно. Я не хочу вас пугать, но это не мои домыслы, это все-таки статистика. Я бы советовал вам не входить в комнату Игоря в такие ночи поодиночке. Входите вместе. На всякий случай.

– Чет, по-моему, перегиб,— заметил Сергей Мещеряков, нахмурившись.

– Совсем нет. Были случаи, когда лунатики проявляли агрессию к близким людям. Были случаи, когда доходило до преступлений. Редко, но были. Не забываем Робера Ледру. Исключать ничего нельзя. По крайней мере на первых порах.

– Ничего такого не было,— продолжал гнуть Сергей. Он посмотрел на жену, ища ее поддержки. Та уперлась в сумочку.

– Вы не понимаете.— Он дружелюбно улыбнулся.— Сейчас все изменилось.

– С чего вдруг?— кипятился Сергей Мещеряков.— Что такого изменилось?

– Мы начали говорить об этом,— спокойно произнесла его жена, не поднимая глаз.— Открыто, вслух.

– Я рад, что вы понимаете. Мои рекомендации – это всего лишь рекомендации. Я пока не знаю ни вас, ни вашего сына, и не хочу никого задеть. Я говорю с точки зрения опыта. – Он протянул руку, взял телефон и отключил аудиозапись.— Итак, начнем завтра. Время приема уточните, пожалуйста, на ресепшне. На этом пока все. Всего доброго.

Родители поднялись синхронно, парень – с небольшой задержкой, словно ждал команды. Несмотря на джекилхайдовский вид и все ужастики, которые прозвучали тут в кабинете, с виду он обычный парень. Налицо все признаки социализации. Ходит в школу, в спортивную секцию. Не зная, для чего, просто так сказали, вот и ходит. Друзей особо нет. Родители – тоже далеко не друзья. Есть аккаунты в соцсетях. Не самостоятелен. Не умеет принимать решения, разве что под прессом. Но это не взвешенное решение, а то, что легче всего. Один пункт идет вразрез: не теребит смартфон, как отец свои автоключи. Возможно, ниточка. Или же просто депрессия с утра, как реакция на все произошедшее. Сюда ведь он тоже не по своей воле пришел. Сказали – он и пошел. Такие дети.

Перед тем, как закрылась дверь, парень, похожий на гопника, но не являющийся оным, обернулся и коротко стрельнул в его сторону недружелюбным подбитым глазом. А вот другая половина лица казалась такой же безмятежной. Он словно продолжал сидеть на диване, таращиться в окно и витать в мирах Амбера. Ладно, кто бы ты ни был, Джекил, или Хайд, или чертилка какая. Если твои предки не исчезнут сейчас с концами, посчитав, что все это – чересчур для их психики, постараемся вытащить твоих демонов на поверхность.

Потом дверь за ними закрылась. Одновременно дверь в комнату, где Виктора Петрова поджидала смерть, захлопнулась окончательно тоже.

Глава 2. На улице – 1.

Очутившись снаружи, Сергей Мещеряков изучил визитку, которую психотерапевт вручил им в самом начале встречи. Потом хмыкнул, взглянул на жену.

– Вика!

Она обернулась. Он развернул визитку к ней лицевой стороной, загадочно ухмыляясь.

– Виктор Петрович Петров, – прокомментировал он, понизив голос – на тот случай, если Виктор Петрович Петров прильнул к двери изнутри и подслушивает. – Его батя был Петя Петров.

– Главное, что он сам не Петя Петров, – парировала Вероника. – И это сейчас самый актуальный вопрос.

– Да ладно, я просто разрядить, – обиделся Сергей, что шутку не оценили. Игорь, правда, оценил, но не подал виду. Ему вообще нравились шутки отца. Они были трехкопеечными и без выкрутасов. Мама часто эти шутки троллила. Порой весьма тонко, так что отец терялся.

Обиды отца на мать были столь же грошовыми и длились пару секунд, после чего он все забывал. Родители пошли на ресепшен, оформлять бумаги и вносить соответствующую плату, Игорь в финансово-деловых вопросах не участвовал. Он стянул бахилы и встал сбоку от входной стеклянной двери. Солнце снаружи лилось неистово, внутри холодили кондеры. Игорь любил лето, любил солнце. Солнце и жара ассоциировались с относительной свободой и счастьем, что бы ни значили эти слова на самом деле.

Мимо прошли женщина и девочка, чуть младше него, держась за руки. Игорь не смотрел на них, он вообще избегал смотреть на кого бы то ни было, но с некоторых пор его «боковые» чувства приобрели феноменальную силу. Он видел все вокруг, подмечал любой нюанс, глядя при этом куда-то в светлую даль. Он точно знал, что эти двое пялятся. Что ж, это понятно, сегодня он – гвоздь программы. Успокаивало лишь то, что смотрят эти не на него. Смотрят – на фингал. Его самого не видят за фингалом, не видят Игоря Мещерякова.

Они покинули клинику и двинулись к стоянке, где их ждал синий Хендай. Расстояние преодолевали молча, как партизаны в тылу. Игоря всегда прикалывало, как они идут втроем, когда втроем. Отец шел впереди, как гусак, он всегда торопился и ничего не успевал. Мама демонстративно сохраняла хладнокровие и отказывалась подстраиваться под папин ритм, поэтому телепалась сзади. Игорь же, в стремлении угодить обоим, болтался в промежутке, то ускоряясь, то сбавляя темп.

В машине отец спросил:

– Ну что ты думаешь?

– Про сына Петра? – уточнила мама.

– Ну...

– Он – молодец, этот сын Петра, – бросила она равнодушно. – Начал давать советы только после того, как раскрутил нас на сеансы. А пока не раскрутил, давал лекцию про французских сыщиков, которая нам очень поможет в жизни.

– Так-то да... – Отец обескураженно положил руки на руль и взглянул сквозь ветровое стекло. – Думаешь, фигня все? Развод очередной?

– Вряд ли развод. Его хвалят. В интернете у него рейтинг 4,9 из пяти. Хотя может сам накрутил себе... Но его знают люди. На работе одна сотрудница к нему дочку водила, он ее от энуреза вылечил.

– Понятно...

Игорь внимательно прислушивался, делая вид, что ему все равно.

– Слушай, я так и не понял последнюю фишку, – сказал отец. – Что значит – все изменилось, потому что начали об этом говорить?

– Всего лишь очередная теория, – отозвалась мама. – Феномен Баадера какого-то там, хрен разбери. Суть в том, что если начинаешь говорить о том, чего нет, то это потом начинает случаться. Не обязательно с тобой, может, с соседом, или в газете прочтешь. Но где-то случится.

– Так ведь он сам и начал об этом говорить! Петров! О лунатиках-преступниках. Получается, это он будет виноват, если что?

– Да, Сергей, – ровно ответила мама. – Он будет виноват, если что.

Отец покосился на нее и промолчал. Игорь стиснул зубы, чтобы не заржать. Мамин юмор ему тоже нравился, хоть тот и был изюмчатый. Игорю часто казалось, что достойно оценить этот юмор может только он лично. Он взглянул на зеркальце и внезапно наткнулся на мамин спокойный взгляд.

– Игорь, сам что думаешь? Надо оно тебе?

Он ничего не придумал, кроме как пожать плечами.

– Ясно. Надо продуктов купить, – напомнила отцу мама. – Впереди на углу Пятерочка, давай туда.

Тот послушно двинул машину.

Игорь любил пассивную езду. Он вообще любил пассивность: любил размеренное течение, размеренные ритмы, размеренную жизнь. Ранее – он знал! – люди, подобные ему, мечтали оказаться на необитаемом острове. Вдали от людей. Вдали от *докапывальщиков*. Либо – пионерами на вновь открытой планете. Для современного человека все это – так себе способы. Сейчас необитаемые острова и планеты не подойдут. От своих клиповых мозгов не убежишь. Такие дела.

Раньше батя часто брал Игоря с собой по делам – просто так, за компанию. Отец занимался установкой пластиковых окон (в этом Петров угодил точно в цель). У него имелось собственное, давно сформированное ИП, и лично он монтаж производил редко, на то были штатные работники. Но замеры снимать он всегда ездил лично.

– Первое впечатление, Игорюнь, – объяснял он. – Есть первое впечатление по телефону, и первое впечатление от личной встречи. Они все решают. Снимать замеры – это бесплатная услуга у нас в городе, и клиент может позвать десять таких кентов, как я. И нужно оказаться лучшим кентом среди всех остальных кентов, чтобы чувак перезвонил и заказал. Так что я никому не доверяю ездить к клиентосам на первую встречу. И трубки сам снимаю.

Больше всего отец любил травить байки. Наследственное: бабушка Игоря была знатной рассказчицей. Была... Сейчас ее нет уже, как и деда, но она жива – такая вот матрица. Потому как живы ее истории, которые она рассказывала Игорю, а значит – жива какая-то ее часть.

Но и отец не терял лица. Оказался достойным продолжателем. Дома Игорь с отцом почти не общались: тот убегал чуть свет, возвращался поздно, очень часто и в выходные. Общение приходилось как раз на салон автомобиля. Истории отца Игоря завораживали, как еще раньше – истории бабушки. Они были... ненавязчивыми. В них отсутствовало докапывание в любой его форме, истории отца не требовали от Игоря вообще никакой реакции, как подчас требуют истории, рассказанные каким-нибудь словоохотливым пнем. Они просто... струились.

– Прикинь, Игорюня, я в семь лет стал знаменитым, хоть мне и не поверил никто. Да я и сам сейчас не верю. Хех. Мы с предками в Москву ездили. Так, урывками помню. Ну побродили по центру, помню. ЦУМ помню, потому что там предки долго рылись, а я чуть не уснул. Метро помню. На нем поехали куда-то. Вылезли из метро, увидели киоск с мороженым, решили мороженого схавать. Там два мужика крайними были в очереди, мы заняли за ними, стоим. Одного вообще не помню, а второго – да. Даже не его самого, а усы его помню. Усы мне понравились, я подумал, что прикольные. На самом деле, фиг знает, усы как усы, просто я шкет тогда был...

Мужик увидел, что я на него пялюсь, подмигнул и «козу» показал. Я начал к нему цепляться, заигрывать с ним. Тут и друган его подключился, мы поприкалывались, потом они с

родителями разговорились, пока очередь ждали. А потом какая-то тетка подошла со стороны и попросила разрешить ей нас сфоткать. А я и не спросил даже – на фига нас фоткать? Я почему-то подумал, что эта тетка с нами в поезде ехала, а теперь случайно встретила.

Ну в общем сфоткала она нас, мы купили мороженку и разбежались. А через несколько месяцев бабушка притащила домой «Комсомольскую правду» и ткнула меня носом в первую страницу. И я сразу же вспомнил усатого. То же самое место, тот же киоск, и эти двое мужиков из очереди. И хотя овечка та с фотиком обрезала меня с предками, рука моя попала в кадр, и в «Правду» тоже попала. Рука попала, а весь остальной я – нет. Я даже разревелся. И как доказать пацанам, что это я всамделишный? У меня на руке ни шрамов, ни часов, ни браслета, ни фига! Как доказать всем, что я герой, блин, человек года?! Потому что те два мужика в очереди – это Толя Соловьев и Саня Баландин были, космонавты. А их фото сделали как раз перед тем, как они отправились на станцию «Мир» в 90-м году.

– А где сейчас эта газета?– спрашивал Игорь.

Отец обреченно махал рукой.

– Сгорела через пять лет. В соседнем подъезде у дяди Вовы пожар был. И на нас перекинулось. Как раз на родительскую комнату, где та вырезка лежала. Вообще, подозрительный пожар был, я тебе не рассказывал разве?– И тут же, без перехода, начинала струиться новая история.

Особая, почтительная область была посвящена деревенскому фольклору. Прабабушка Игоря жила в деревне в 30 км от города, и отец с дедом и бабушкой часто там зависали, особенно летом. Добирались на дедовском Урале с люлькой, этот мотик застиг и сам Игорь. Только во времена Игоря Урал уже подрастерял свою мощь и все больше пылился в металлическом гараже за домом. Но пару раз, когда дед выкатывал мотоцикл, чтобы дать тому просраться, Игорь получил свою порцию кайфа. Воспоминания об этих поездках он берег пуще, чем собственную жизнь. Потому что в этих воспоминаниях сохранялась жизнь чужая, жизнь деда. Пока жива память, дед тоже жив.

– Прикинь, Игорюня, если бы мы на час позже выехали в тот вечер... По-любому бы встряли, этот Чужак нас бы окочурил по дороге. Предки тогда копошились чет целую вечность, и мы только после 10 вечера стартовали. К деревне подъезжали, когда темень вокруг. Сейчас там фонари вдоль дороги, все чин-чинарем, ну ты сам видел. А тогда... Хех. Топор можно было на темноту повесить, он бы и висел. Если вот так остановиться на дороге, да фару у мотика погасить, да на 10 шагов отойти – назад уже хрен вернешься. Заплутаешь в темноте и в яму сверзишься.

Мне, пацану, конечно, в кайф было в темноте ехать. Впереди только свет от фары, вокруг – темнота, я в люльке сижу, ощущения – как в космосе. Я как раз башку задрал, чтобы на звезды посмотреть, в деревне они яркие-преяркие. Ну и увидел Чужака, как тот падал. А потом и предки увидели, потому что света резко добавилось, как будто фонари зажгли. Только фонарей там не было, я же говорил. Он над нами пролетел как раз, этот объект непоймичто. Мы о Чужаке не подумали сразу. Решили, что самолет падает. Горел он, этот объект в небе. Свалился где-то в лесу, по ту сторону деревни. Нам по первой даже показалось, что прямо в деревню ухнул. Еще я мельком о метеорите подумал, но решил промолчать, потому как мать заохала, а батя губы закусил и тоже занервничал. Мы уж думали, что вместо деревни нас горящие руины будут ждать.

Подъехали – деревня как деревня. Мужики, кто курил, или в тубзик шел, или просто во двор вышел, тоже видели хреновину в небе. Улетела в лес, там и упала. Взрослые выпили, обсудили, и порешили, что нет – не самолет это ни фига, а реально метеорит. Я с пацанами скорешился, и мы договорились завтра идти этот метеорит искать. А через два часа, когда все уже спать завалились, собаки завыли.

Псы в деревне брешут – привычное дело, никто не обращает внимания. Сам же помнишь. Одна загавкает, и все за ней хором. Но в ту ночь никто не гавкал. Выли, как припадочные. Раньше не слышал, чтобы они так выли. Я вскочил, хотя накануне вымотался, смотрю – а родители не спят. Сидят и вслушиваются. Я поначалу не сильно испугался, даже снова заснул. Еще через час кто-то в двери долбиться начал. Не только в нашу, а во все двери в деревне. Утром уже выяснили, что в каждый дом этот Чужак долбился. Всяко никто ему не открыл. Ну его нафиг, лишенца этого. Я снова проснулся и, когда батю с ружьем увидел, тогда уже испугался реально. Не спал больше. Так и шастал этот Чужак из дома в дом, долбился. Спрашивали «кто?» – молчит. А чего он скажет? Чужак – он и есть Чужак. По-любому он на той горящей штуковине к нам долбанулся. Вышел из леса напрямик к нам в деревню.

А наутро канул. И не приходил больше. И собаки не выли в другие ночи. Ты прикинь, Игорюня, мы ведь с пацанами назавтра поперлись в лес, штуковину ту искать. Толпа дебилов. И никто не решился предложить, типа, давайте не пойдем, очково что-то. Стремно было, что другие зачмырят. А я сейчас думаю – никто бы не зачмырил, все бы только обрадовались. Но мы все равно ничего не нашли, и ни на кого не наткнулись. Даже если кто там и прилетел с Альфы Центавра – сгинул, мы там все облазали. Может, обиделся и назад улетел, фиг его знает.

Истории отца могли родиться на пустом месте – вчера, сегодня, сейчас. Он выходил вечером в магаз, а когда возвращался, то Игорь с мамой узнавали, что вот сейчас он столкнулся с челом, которого не видел уже больше 10 лет, и с которым однажды вышла прикольная история. Или он возвращался с работы, и Игорь с мамой узнавали, что только что отец стоял в пробке, и пока он стоял в пробке, он увидел, как на другой стороне улицы грабят инкассаторов. И на следующий день в новостях появлялась заметка об ограблении. И Игорь с мамой удивлялись даже не тому, что отец постоянно попадает в какие-то переделки, а тому, что в видеонюстах не показали крупным планом его машину и его самого, кукующего в пробке.

Родители вернулись из Пятерочки, загрузили пакеты с продуктами в багажник, уселись на свои места.

– В общем, мы чего решили, – бросил отец вполоборота к Игорю. – Ты походи к этому Петрову. Хуже по-любому не будет.

«Может, и будет», – неожиданно подумал Игорь.

– Ладно, – ровно отозвался он. Поймал в зеркальце взгляд мамы и с готовностью поднял большой палец.

Отец вывел машину со стоянки, и они двинулись сквозь солнечный, душный город в сторону дома. Постепенно мысли Игоря омрачались. Несмотря на лето и каникулы, полностью самому себе Игорь не принадлежал никогда. Потому как секцию дзюдо летом никто не отменял. И именно сегодня вечером ему предстоит идти на очередную тренировку.

Глава 3. На тренировке – 1.

Предков переклинило, когда Игорь учился во втором классе. Какой-то рядовой осенний день, и отец приглашает Игоря на городские соревнования по дзюдо. Игорь прифигел немного и согласился. Странно, за отцом страсти к дзюдо никогда не наблюдалось. Батя в бокс ходил; было бы намного логичнее, если бы он позвал Игоря на боксерский турнир. Но Игорь даже не стал заморачиваться. Какая разница, куда они идут, дзюдо смотреть или просто облака в небе? С отцом же!

По дороге отец рассказал Игорю, как впервые вышел на ринг, и ему в спарринг-партнеры почему-то поставили чела, выше на голову и шире раза в два. Так что отец точно знал, что проиграет. Но после первого же удара колени чела подогнулись, и тот сверзился, как тюк.

– Ты прикинь, Игорюня, я долго думал, что это я сам такой орел. Не доходило до меня, что поддался он мне тогда. Ну чтобы вдохновить. Тренер специально его подговорил. И все вокруг мне свистели, и потом тот чел поднялся и руку мне пожал. Я после этого случая тренировался, как припадочный.

Они с отцом заняли места для зрителей. Отец купил попкорн, и они его жевали. Объявили о начале состязаний. На ковер стали выходить соперники, их имена объявляли по микрофону. Их имена ничего не говорили Игорю, поэтому он их не запоминал, наблюдая сверху за происходящим без эмоций. Сам спорт представлялся ему обычной возней. Смысла – ноль, толку – ноль. Даже подзадоривания отца его не воодушевляли.

– Смотри, как он его! Ничего себе, молоток! По-любому в финал выйдет! Так его, давай! Смотри, у них же веса разные, куда судья смотрит?!

Игорь послушно отсидел всю программу. Под конец он не смотрел на соревнующихся, а разглядывал людей вокруг, потому как на матах он уже вряд ли увидит что-либо новое. Все схватки как по шаблону. Одну посмотрел – и хватит на всю жизнь. Ему просто нравилось сидеть рядышком с отцом, самозабвенно поглощать попкорн и пассивно наблюдать. Но лучше бы они пошли все-таки смотреть облака.

Он полагал, что после объявления победителей они с отцом тут же отчалят. Но батя вдруг ни с того ни с сего потащил его вниз к матам. Половина участников уже разошлась. Кто-то из оставшихся натягивал кроссовки, кто-то обсуждал прошедший бой. Отец на секунду оставил Игоря болтаться самого по себе и подошел к низенькому, сухощавому типу. Типа этого Игорь наблюдал сверху в течение всего времени соревнований. Тип имел восточную внешность – татарин или монгол. Бурят, может быть. Они с отцом поздоровались, о чем-то переговорили. После чего отец дал Игорю знак приблизиться.

Игорь с опаской сделал это. Он не представлял, в чем подвох, но ожидание подвоха от любой нестандартной ситуации уже входило у него в привычку. Низенький придирчиво оглядел его с головы до ног, словно намеревался купить его, отвезти в свою Бурятию и там съесть.

– Знакомься, Игорюня, – бодро изрек отец. – Наш городской тренер, Ирек Римович.

Ирек Римович протянул Игорю руку. Игорь на всякий случай вытер ладонь от остатков попкорна и пожал.

На том и закончили, попрощались, двинули в сторону дома. А уже вечером отец выстрелил:

– Игорюнь, я тебя записал к Иреку Римовичу в секцию. Будешь ходить к нему два раза в неделю. Будешь дзюдоистом.

Он был так огорошен, что подавился слюнями. От растерянности даже забыл, что в таких случаях иногда полезно с ходу закатить истерику. И хотя часто с предками этот финт не срабатывал, попытаться стоило. Но нужно было закатывать сразу, пока горячо. Истерику он не закатил, только зырил и холодел, и шанс был упущен.

– А зачем?– пролепетал он.

– Что значит – зачем?– удивился отец.– Поднатаскаешься. Окрепнешь. В жизни пригодится по-любому.

– Я не хочу!– заныл Игорь.

– Что значит – не хочу? Да ты чего, Игорюня! Все пацаны в детстве спортом должны заниматься. Я тебе как бывший боксер говорю. В будущем пригодится по-любому. Потом еще спасибо скажешь!

«Спасибо» Игорь не сказал. Ни отцу, ни матери. До сих пор убить готов за такую подставу.

Первое же занятие «задалось» сразу. С почина. По пути во дворец спорта Игорь угодил под дождь. Это был мерзкий осенний дождик, с мерзкими порывами ветра, с мерзкими же лужами повсюду и с мерзким настроением пешеходов. Зонты Игорь терпеть не мог. Зонты любили использовать докапывальщики, чтобы выбить глаз; а он не докапывальщик. Поэтому в случае, если дождь, он передвигался перебежками от дерева к дереву. Или дожидался под козырьком любой парадной, пока схлынет. Но сейчас он должен явиться на занятия вовремя, родители накануне сделали ему обильное внушение о пользе тех или иных вещей, в первую очередь – дзюдо. Игорь в силу возраста не нашел стойких возражений. Кроме как неприятие и страх ему нечего было предъявить в противовес, но неприятие и страх не котировались. Сошлись на том, что Игорь попробует. Тебе просто нужно попробовать, Игорь. Сам не заметишь, как втянешься. Потом еще благодарить будешь. В будущем...

Он кое-как добрался до дворца спорта, сайгача через лужи, и по прибытии на его голове сформировалась забавная пакля. Он придал ей гротескности, отжав волосы руками, тем самым превратив паклю в два разноторчащих пучка. Таким и заявился.

Ирека Римовича Игорь обнаружил практически на том же месте, где они познакомились накануне, словно там ему было намазано. Игорь робко дал знать, что явился, и был бесцеремонно направлен в раздевалку. В рюкзаке Игоря имелось свеженькое белое кимоно, которое чудесным образом нашлось вчера дома. Хитрые предки. Хитрые и продуманные. Все спланировали заранее, и кимоно прикупили. Никакая это была не мужская экспедиция, а ловушка. Это било больше, чем все остальное.

Еще кеды там наличествовали, в рюкзаке... Кеды претендовали на персональное отступление. Кеды вообще были куплены для уроков физкультуры к сентябрю. Проблема заключалась в том, что куплены они были без Игоря, на глаз. И так уж получилось, что мама промахнулась малек в оценке игоревых конечностей. На пару размеров.

В принципе, катастрофы не случилось. Если затянуть шнурками потуже, то вполне удобносимые, для физры сойдет, не в поход же ему в них ходить по горным кручам. С виду только, как лыжи. Но в школе это, на удивление, докапывальщиков не приманило, и никто не просил дать покататься.

В раздевалке стояли шкафчики в два ряда. Между ними по центру тянулись скамейки. Раздевалка была набита ребятами-дзюдоистами. Кто-то переодевался, кто-то уже был переодет и сидел на скамейке, балакая. Насколько Игорь бегло выяснил, строгих возрастных рамок здесь не имелось. Занимались и пацаны его возраста, и парни постарше. Атмосфера преобладала ироничная. Даже с налетом троллинга. Нормально. Все давно знакомы, переодеваются, подкалывают, хохмят, что-то рассказывают, подначивают и критикуют. Привычные дела, спасаться бегством пока рано. Игорь по-партизански проник в раздевалку, бросая быстрые взгляды исподлобья. Народ воззрился на него и минуту изучал. Но с открытой ладонью никто не ринулся, видимо, этому Ирек Римович их не учил. Или не заслужил еще Игорь, чтобы ему руку жали. Так, поглазели только и сделали вид, словно его и нет. «Ну и правильно, – подумал Игорь. – Мне же спокойнее».

Игорь наугад выбрал шкаф с торчащим ключом и открыл его. В нем было пусто, только внизу воняли чьи-то носки столетней давности.

– Это Вовчика шкафчик, – бросил кто-то.

Игорь испуганно вскинул голову, но на него никто не смотрел. Как будто помстилось... На всякий случай он перешел к другому шкафчику. Открыл его. Сей оказался девственно пуст, никаких дедовских носков или другой потной рванины. Игорь помедлил, ожидая, что сейчас ему скажут, что это Славика шкафчик, а потом к следующему – это Мишкин шкафчик, и так далее, пока он не испробует все шкафчики. Знаем, читали. Но никто в его сторону больше не вякал, и Игорь немного расслабился. Стянул одежду, переоделся в кимоно. Как надевать кимоно, ему вчера показал отец. И не успокоился, пока Игорь не запомнил. Потом Игорь натянул кеды, обвязал ключ от шкафчика вокруг запястья и выпрямился.

И вот стоит он посреди раздевалки, в своих чудовищных кедах-освободите-лыжню, в кимоно, подпоясанный, с красными пятнами на щеках от смущения, с двумя торчащими пучками волос после дождя. О букетах на голове он, кстати, не догадывался. Тут не дамская комната, зеркалами не увешано. Висит одно на выходе, но до него далеко. Постепенно ребята стали к нему оборачиваться: сначала один, потом ближайšie, потом все без исключения. В раздевалке установилась глобальная тишина, и Игорь обнаружил себя в центре внимания. Все пялились на него. Гнетущее молчание затягивалось. Кто-то в толпе пробормотал:

– Кого-то мне напоминает... Из цирка же!

В дальнем углу кто-то начал хихикать. Хихиканье распространилось молниеносно, как пламя, и через секунду раздевалку наполнил громовой хохот. Он, этот хохот, накатывал со всех сторон, как армия орков. Впоследствии Игорь часто удивлялся, как ему удалось сохранить себя на месте в этот момент и не удрать.

Он продолжал стоять, тупо пялясь в пол, становясь кумачовым. Он понятия не имел, с хрена ли всем весело. Даже если он в чем-то налажал – он что, супердзюдоист? Откуда ему знать все их долбанные правила? Долбанный Ирек Римович ничего ему не объяснил, просто спровадил переодеваться. Сейчас Игорь был самым несчастным человеком на земле. И впервые он испытал жгучую ненависть к родителям. Они заставляли его сюда прийти, а когда он начал сопротивляться, они вынудили его своими манипуляторскими замашками. Он ненавидел эту комнату, эту раздевалку, он ненавидел это гогочущее стадо обезьян вокруг себя, которые только что не бросаются в него шкурками от бананов.

Но больше всего он ненавидел себя самого. Он ненавидел свою беспомощность, он ненавидел тот факт, что он *такой*. Он не смог дать отпор родителям, когда у него был шанс. Он не смог настоять на нормальных кедах. Он не смог смотреть прямо в лицо изгалявшейся толпе в раздевалке. Он не смог подойти к тренеру, вежливо послать того на хрен, и гордо удалиться.

Парни ржали, а Игорь прилагал усилия, чтобы не зареветь. Такая вот она, юность.

– Чувак, ты ж настоящий Петрушка! – гоготнул один из парней – повыше и постарше остальных. – Реально, Петрушка.

Новый взрыв хохота. Игорь ожидал еще издевок, но вместо этого высокий парень подошел к нему и протянул руку.

– Борян, – представился он.

– Игорь... – промямлил Игорь и с опаской пожал руку, ожидая какого угодно подвоха. Но подвоха не случилось, пожатие парня было крепким и дружеским.

– Игорь-Петрушка! – противно захихикал один из когорты. Внешность у чувака была такой же мерзкой, как и его хихиканье.

– Ты-то чего ржешь, Лесной Орел, – обернулся Борян, и все снова засмеялись. – Сам в зеркале себя видел?

Борян вновь оглядел Игоря, потом кивнул на ключ от шкафчика, который Игорь обвязал вокруг запястья. Игорь то ли видел где-то, что так нужно делать, то ли читал.

– На руку не вешай, – предупредил он. – Поранишься как нефиг делать. Или пацанов поранишь. Тут не бассейн.

– На ногу повесь, и в кед сунь, там у тебя места дофига, в кедах,– выкрикнул вихрастый мальчишка, и снова раздалось добродушное гы-гы.

Игорь послушно стал перевешивать ключ на лодыжку, однако Борян со смехом его остановил.

– Не слушай его. Это Васек, он хохол.

– Белорус я! – выкрикнул Васек.

– Один хрен майдановец,– отмахнулся Борян. Потом объяснил Игорю:– На матах все равно обувь снять нужно. А будет ключ на ноге висеть, то стопудово травма. Тренер кричит, что скоро шкафчики поменяют, будем магнитными браслетами открывать. Но когда поменяют, хрен знает, а пока – голимый зашквар. Там в зале крючки есть, туда ключи вешаем. Только номер свой запомни, чтобы чужой не взять и не облажаться. А то подумают, что ты крыса. Тогда побьют. И будут правы.– Он ободряюще подмигнул.– Но крыс у нас нет, так-то. И камеры стоят, вон в углу.

Он кивнул на камеру. Игорь послушно посмотрел в том направлении, чтобы удостовериться.

В раздевалку юркнул тренер, Ирек Римович.

– Бойцы, харе развлекаться!– рявкнул он.– Живо на разминку, время пошло.

Дзюдоисты гурьбой повалили мимо Игоря. Он же продолжал стоять, оболваненный и несчастный. Кто-то ободряюще хлопнул его по плечу, и он едва не взвыл. Последним мимо прошел тот мерзкий пацан, которого Борян назвал Лесным Орлом.

– Петрушка, хе-хе!– осклабился пацан.

И все исчезли. Игорь секунду раздумывал, не начать ли вновь переодеваться. Скажет дома, что передумал. А потом? Батя, чего доброго, возьмет Игоря за руку и приведет сюда силком. Под веселое гиканье пацанов. Так что Игорь вздохнул и обреченно потопал вслед за всеми.

Пацаны выстроились в шеренгу по росту. Ирек Римович указал Игорю его место в ряду. Все произошло так быстро, что Игорь не успел оглядеться, чтобы найти упомянутые крючки и повесить ключ от шкафчика. А спросить постеснялся. Сжал ключ в кулаке и втиснулся между двумя ребятами в кимоно.

Тренер поклонился, пацаны поклонились в ответ. И Игорь поклонился, куда же деваться теперь.

– Для новеньких, еще раз,– объявил тренер.– Зовут меня Ирек Римович. Если трудно запомнить, можно просто «тренер».

– Ирек Римович, тренер,– стебанулся кто-то в строю, и послышались смешки.

– Отставить смех!– беззлобно бросил тренер. – На пра-во! Десять кругов по залу.

Все двинули трусцой по периметру. Игорь, у которого с бегом всегда были проблемы, пребывал в таком стрессовом состоянии, что даже не запыхался в этот раз. Хотя отмахали они как минимум километр. Он бежал, сосредоточенно глядя в спину бегущего впереди пацана, опасаясь, что бежит недостаточно быстро, и позади бегущий пацан вот-вот наступит ему на пятку, или пнет под зад, сжимал ключи в кулаке изо всех сил и проклинал существование.

Набегавшись, сняли обувь, зашли на ковер. Пацаны разбились на пары для спарринга, Игорь озирался. К нему подошел тренер.

– Первую неделю не тренируешься,– сообщил он.– А то и две, как пойдет. Научись падать. Покажу один раз, запоминай. Кувырок через голову.– Ирек Римович бросился на ковер, совершил быстрый кульбит и вновь встал на ноги, как солдатик.– Запомнил? Кувырок через плечо!– Еще один стремительный кульбит, от которого у Игоря заныло под ложечкой.– Запомнил? Кувырок назад. Запомнил? Отрабатывай.

Около часа Игорь валтузился на матах туда-сюда, по выделенной специально для него условной дорожке, отрабатывая кувырки. Сначала – коряво и зажато, чуть позже – уже уве-

реннее. Периодически ребята в запале борьбы выскакивали на перешеек, по которому Игорь кувыркался. Так что ему приходилось держать дополнительный прицел, чтобы не угодить кому-нибудь под ноги. Ключ он по-прежнему сжимал в кулаке, и вскоре это заметил тренер.

Тот приблизился быстрым шагом.

– Что в кулаке?

Игорь виновато разжал кулак. За это время он успел поранить ладонь, и теперь из небольшой ранки просочились первые капли крови.

– У нас ключи на крючки вешают, Мещеряков, ты чего, вчера родился?– презрительно буркнул тренер. – Вон крючки, иди и повесь.

«А кто мне об этом должен был сказать?– психовал Игорь про себя, направляясь к крючкам.– Борян? Так-то *ты* у нас тренер хренов. Правильно кто-то в строю постебался, реально Имович, по-другому не скажешь».

Больше его не дергали в тот день. Тренер разрешил до конца тренировки посидеть на лавочке, понаблюдать за народом, что Игорь с удовольствием и сделал. Наблюдать он любил, таки да! Пассивно. И осмысливать. Как, например, сейчас он осмыслил, насколько вся эта атмосфера ему чужда. Теперь у него есть аргументы для спора с предками. Тренер – дебил. Даже про крючки не сказал, и Игорь поранил руку ключами.

Когда весь этот ад подошел к концу, и тренер спросил Игоря, понравилось ли ему, Игорь ожесточенно закивал. Угу, понравилось. Базара ноль, как тут может не понравиться, он просто в дичайшем восторге до конца жизни. И тут же – юрк в раздевалку. Ну вас нафиг с вашим дзюдо.

Игорь переоделся метеором и ринулся наружу, пока до него опять кто-нибудь не докопался. Или на вторую смену не оставили, раз, говорит, ему так понравилось. Он перевел дух, лишь очутившись на приличном расстоянии от дворца спорта. Дождь закончился, на лужах посверкивало тусклое, заходящее солнце. Лица прохожих оживились, подобтели. Щебетали вечерние птицы. На дорогах образовались плотные пробки – как всегда во время или после дождя. Из многих салонов доносилась музыка.

Жизнь налаживалась.

– Петрушка, э-ба-на! Петрушка гребаный! Ты где выступал, Петрушка?! Где твой цирк, Петрушка, пропил чтоле?

Игорь вздрогнул и, вжав голову в плечи, обернулся. Позади наличествовал злобный Лесной Орел и строил злобные гримасы.

– Петрушка! Петрушка!– долдонил тот, как дебил.

Игорь пораскинул мозгами и посчитал, что игнор в данной ситуации – самая верная тактика. Сейчас этот хрен моржовый пообзывается малек и отвалит. Видя, что Игорь не ведется на обзывания, он должен потерять интерес и пойти поискать что-нибудь другое. Игорь возобновил свой путь, жалея, что у него нет наушников.

Но преследователь не отваливал. Лесной Орел был предводителем местных докапывальщиков. Он вобрал в себя их всех, стал глашатаем, Дартом Вейдером докапывальщиков.

– Петрушка! Петрушка! – глаголил кретин, волочась следом на некотором расстоянии, как использованный презерватив.– Петрушка, где цирк? Цирк уехал, Петрушки остались! Петрушка, че? Забыли Петрушку, Петрушка плачет. Петрушка, че!

Игорю с ужасом показалось, что этот нетопырь читает рэп. Он психанул. Он тоже не железный. Особенно сегодня, начиная с попыток спастись от дождя и заканчивая саднящей болью в ладони. Он резко обернулся:

– А ты – Лесной Орел!– рявкнул он.– Лесной Орел, че! Лесной Орел, че! Орлы улетели, птенцов растеряли.

Его противник молниеносно обратился в Голлума. У него и так лицо было, мягко сказать, неказистым. А теперь стало вовсе безобразным. Зубы обнажились, глаза выкатились, разве что слюна не закапала. Сейчас он завопит «Моя прелесть пропала!», испуганно подумал Игорь.

– Еще раз скажешь, убью тебя, понял?! – вместо этого завопил тот. – Подкараулю и убью, понял?! Под машину толкну, понял?! Че ты, понял?! Кирпич с крыши сброшу, понял?! Наркоманов подговорю, они тебя грохнут, понял?! Че ты, понял?!

Похоже, опять какой-то рэп. Игорь поежился и понял. Такие, как Лесной Орел, не клюют. Они кусаются, поэтому – лесные. Борян знает толк в прозвищах. А ему, Игорю, на сегодня – сверхдостаточно. Он молча развернулся, стиснул зубы и двинул в сторону дома. Он лишь надеялся, что Орел не оглоушит его сзади палкой, не бросит камень и не ткнет ножиком или спицей какой-нибудь.

То ли ему по пути было, то ли развлечения ради, но тащился Лесной Орел за ним добрых два квартала. И не просто тащился, но и читал во всеуслышание свой идиотский рэп про Петрушку, попутно злобствуя и гримасничая. В общем, привлекал как мог народ и собак со всех окраин. Игоря поразило, что прохожие пялились почему-то именно на него, на Игоря. Хотя главный неадекватный и гвоздь сезона безобразничал сзади.

Потом внезапно – тишина. Лесной отвалил. Может, двинул своей дорогой, а может, подустал просто. Или засек новую цель – другого Петрушку или Арлекина, или кота какого-нибудь, и резко переключился. А то и машина сбила. Или кирпич упал с крыши. В любом случае, Игорь не горел выяснять, куда тот делся.

В тот день Игорь видел Лесного Орла в первый и последний раз. Спасибо судьбе хоть за эту милость. И не потому так случилось, что Игорь бросил спортивную секцию. Отнюдь! Наоборот, Лесной сам бросил. Ушел домой и больше не явился. Как-то раз Игорь случайно услышал в раздевалке, пацаны обсуждали кого-то из секции. Этого кого-то из их секции избил батя до свинячьего визга. Потом милиция, органы опеки, суд, все дела. Избитый крендель – в больнице. Игорю нравилось думать, что этим «кем-то» мог быть Лесной, но наверняка он не знал. Борян, к примеру, тоже вскорости перестал посещать тренировки. Вообще, мало кто из ребят держался хотя бы год, только самые целеустремленные фанаты. Все менялось с взрослением, появлялись новые увлечения, новые цели, новые проблемы. Клиповое мышление равно клиповая жизнь. Игорь же оставался старожилом поневоле. Он ненавидел этот статус.

В тот вечер он все-таки устроил дома истерику, но метаться было поздно. Предки выслушали его: папа – озадаченно, мама – без эмоций. Они даже покивали головами, а отец в довершок почесал в затылке. А потом выдал то, о чем Игорь должен был и сам догадаться:

– Ну слушай, Игорюня, я ж на месяц абонемент оплатил. Деньги не вернуть уже, как-то стремно получится, если ты сейчас бросишь. Ты даже не попробовал! Что такое – один день! Ты ходи месяц, потом порешаем. Втянешься по-любому. Потом еще спасибо скажешь.

Несмотря на то, что Борис быстро выбыл из строя, да и Лесной Орел пропал, прозвище прицепилось к Игорю намертво. Порой ему казалось, что пацаны и не знают его настоящего имени. И тренер не знает. Тренер звал его по фамилии. Остальные – исключительно «Петрушкой». Часто – вариативно. Петро. Или Петруня. Петраковский. Петрусевиц. Петрарка. Петенька. Изгалялись, как могли. Стоило Игорю подумать, что прозвище может переключиться в школу, как его начинало трясти мелкой сыпью, как карманную собачку. Город-то небольшой. Кто-то кого-то знает, пацаны болтают, то-се. Он и так в школе не на хорошем счету среди учеников. А если узнают про «Петрушку», ему конец. Зачмырят. И что ему тогда, стреляться? Или школу менять?

Так он и шагал по тонкому льду. Ведь когда прошел первый месяц, то конечно же, ничего не изменилось. Отец молчком оплатил новый абонемент и поставил Игоря перед фактом. Ты ведь привык уже, Игорюнь! Ну вот и молоток, потом еще спасибо скажешь.

Глава 4. Дома – 1.

Гости нагрянули, когда не ждали. Звонок раздался через час после того, как они втроем вернулись от психотерапевта Петрова. Стоял будний день. Мама сегодня отпросилась с работы. Отец остался дома – передохнуть и пообедать, планируя метнуться в офис к вечеру. Осведомленность гостей изначально настораживала. По логике, не будь Петрова, Игорь сейчас сидел бы дома один.

Дверь открыл отец, с бутербродом в руке. Мама на кухне строгала салат. Игорь отсиживался в своей комнате, думая о будущем. На самом деле он уселся за книжку, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о предстоящей тренировке. Сегодня это был «Гиперион» Дэна Симмонса. Когда позвонили в дверь, Игорь отметил это краем уха, но не придал никакого значения.

На пороге возникли две тетки. Одна преклонных лет, на всех парах стремящаяся к дряхлости. Лицо изъедено заботами, временем и врожденной подозрительностью. Похожа на гримзу, красноволосая. Другая тетка – существенно моложе и посимпатичнее. Брюнетка, взгляд добрый-добрый, на безымянном пальце – кольцо (у красноволосой нет). В общем, классическое партнерство из комнаты допросов.

– Добрый день. Мещеряковы?

– Угу, – удивился Сергей, откусывая кусок бутерброда. – А вы кто?

– А мы из органов опеки, – уведомила гримза. – Сигнал поступил на вас, это официальная проверка. Мы войдем?

Сергей с трудом пропихнул в горло кусок бутерброда. Неожиданность визита обезоруживала. К тому же нахрапистые тетки явно знали, что делают. Он растерянно посторонился, обе визитерши мигом пролезли внутрь и стали озираться, как в музее Королева.

– Вы папа, правильно? – довлела красноволосая. Вторая смотрела добро-добро. «Музей Королева» ей явно пока импонировал.

– Ну да... А в чем проблема, какой сигнал?

Ну, он знал, в чем проблема. И какой сигнал, он тоже знал. Проблема-сигнал торчал в соседней комнате и усом не вел. Со всех сторон адекватный персонаж, в силу своего возраста. Только вот по ночам, бывает, чудит. И визит этот не столь неожиданный, если поразмыслить. Дело в том, что сверху с Мещеряковыми соседствовала бабка. Бабка не то чтобы напрягала сильно, но периодически любила торкаться. Спросить, например, сколько времени. Без шуток. Или пожаловаться на громко работающий телевизор, хотя в семье Мещеряковых телек никто не смотрел. Или бабка интересовалась, не видели они случайно ее кошку? Вот тут гуляла, на лестнице, а теперь ее нет, и где ее, бедную, искать, время ужина. А потом оказывалось, что никакой кошки у бабки нет и не было. В общем, тот еще презрелый фрукт.

В последнее время бабка взяла моду докапываться назойливо, при встрече в подъезде. Что сынок у вас с синяками-то вечно? Дерется, что ли? Милок, опять подрался? Или обижает тебя кто? А что родители? И взгляд хитрющий, как у Штирлица в засаде. Мама игнорила, она это умела. Отец мазался про спорт. Но все участники подъездной церемонии понимали, что это до поры, до времени. И вот они пришли, эти пора и время.

Из кухни вышла Вероника. Спокойно обозрела пришедших дам. Красноволосая при виде хозяйки сразу подобралась, как доberman. Добрая оставалась доброй.

– Вы кто? – спросила Вероника.

– Мы из органов опеки, – с готовностью ответствовала гримза. – Поступил сигнал, что у вас в семье проблемы. У вашего сына, точнее.

– Мы просто проверяем, – по-доброму добавила добрая-добрая брюнетка. И улыбнулась, словно напрашивалась на чай.

– Понятно, – кивнула Вероника. – От кого сигнал?

– Это не важно!– отрезала гримза.

– Понятно,– снова кивнула Вероника.– Тогда до свидания, спасибо, что заглянули. Сергей, закрой дверь за ними.

Повисла пауза. Вероника выжидательно смотрела на гостей. Сергей переминался с ноги на ногу, не зная, как поступить. Потом принял единственное верное решение: откусил от бутера. Игорь в своей комнате отложил букридер и наострил уши. Он прочухал, что в доме полтергейст.

– Хотите, чтобы мы с прокурором пришли?– Гримза оправилась и перешла в наступление.– И ребенка забрали?

– Постановление есть?

– Что?

– Постановление есть?– повторила Вероника.– Вы по чьему указанию пришли? По звонку соседки? Где постановление? Где документы ваши? – Внезапно в руках Вероники возник телефон. Она молниеносно нажала на кнопку и сфотографировала обеих теток. Красноволосяя стала вдобавок краснолицая от такого хамства. Добрая даже не мигнула.

– Если вы так намерены вести беседу...– начала красноволосяя.

– Я вообще не намерена с вами беседовать,– перебила Вероника.– Вы кто? Что рыскаете здесь? Мне 02 набрать недолго. Вызываем?

Добрая внезапно подняла руку, прерывая перепалку.

– Я предлагаю всем успокоиться,– мягко сказала она.– Без скандалов. Вы правы, у нас нет постановления. Сигнал поступил от соседей. Так что мы прекрасно понимаем, что это может быть обычный поклеп. Но мы обязаны проверить, вы же понимаете? Если выяснится, что это ошибка, то мы извинимся и уйдем. Что касается документов...– Она нырнула в сумочку и извлекла корочку. Взглядом дала сигнал красной, чтобы та особо не быковала.– То вот они, пожалуйста.

Вероника сфоткала оба удостоверения на телефон.

– Мы всего лишь взглянем на мальчика, зададим пару вопросов,– добавила добрая брюнетка.– Это всего лишь мелочь. Будет выглядеть странно, если вы нам откажете.– И вновь располагающая улыбка.

Вероника Мещерякова перевела взгляд на мужа. Это был красноречивый взгляд. Они загнаны в тупик. И шутки закончились.

– Так что, какие-то проблемы с этим?– осведомилась красноволосяя, вернув лицу землистый оттенок.

– Нет.– Сергей отложил бутерброд на тумбочку. Выхода у них не было.– Нет никаких проблем с этим. Игорь!– позвал он.

Выполз он, этот Игорь, нехотя, на свет Божий. Его даже ночью за километр можно было различить по сияющему в пол-лица светофору. Во всей красе предстал. Ну чтобы подтвердить, так сказать, портретом, что у него все в порядке, проблем нет, он на каникулах, отдыхает. Попутно думает и заботится о своем будущем, по-любому.

Гримза расцвела, как орхидея. Добрая на удивление не изменилась в лице, не выказала удивления, не совершила ни одного лишнего жеста. Только взгляд стал острым.

– Кажется, мы все-таки зайдем,– проворковала добрая.

– Возражений нет?– подхватила гримза людоедским тоном. Игорь начал реально пугаться. Он смекнул, откуда ветер.– Или прокурора будем подключать? Нам постановление теперь получить – на раз! Но потом уже не отвертитесь.

– Не надо стращать,– холодно обронила Вероника. Если она и дрогнула перед этими двумя, то внешне это никак не отразилось.– Обувь снимайте и проходите.

Они расселись в комнате родителей, которая одновременно и гостиная. Периодически, когда в гости приходили друзья семьи, эта комната использовалась для застолий – кухня для

этих дел была слишком мала. Опека уселась на диван, поставив сумки на колени, Вероника – в кресло. Сергей примостился рядом с ней на подлокотник и нахохлился. В любой ситуации, пусть даже самой неожиданной, где требовалось силовое участие, отцу не было равных. Однако перед госслужащими он явно пасовал и полагался на жену. Игорь хотел улизнуть, свою сцену он отыграл, дальше – без него, но ему не дали. И тормознула его именно мама.

– Ты куда собрался? Остайся. Тут без тебя никак.

Он незаметно вздохнул и сел во второе кресло, приготовившись к серьезной, по-взрослому, атаке докапывальщиков.

– Ну, рассказывайте,– предложила красноволосая, одновременно умудряясь выглядеть неприязненной и плотоядной. – Рассказывайте теперь, что нет проблем у вас, что вас оговорили. А давайте лучше обойдемся без сказок. Все и так видно. Говорите прямо: бьете ребенка? Выпиваете?

– Слышь, знаешь что!– Сергей привстал. Но впечатления на опеку он не произвел. Он вообще мало на кого впечатление производил, потому как внешне казался обычным мужичком средних лет. Он был даже на два пальца ниже мамы по росту, а учитывая то, что мама всегда носила каблуки,– заметно ниже. И люди почти всегда его недооценивали.

– Сергей, не хаами,– оборвала Вероника.– Дороже обойдется.

– Сейчас вам действительно лучше думать над своими словами,– заметила добрая брюнетка.– Вам повезло, у вас есть шанс все объяснить. Все зависит от того, насколько будут вменяемы ваши объяснения. Видите ли, нам сообщили, что это не впервые. Что мальчика часто видят с синяками. Так что давайте сразу обойдемся без вранья, что он якобы случайно упал.

– Он пацан, так-то!– проворчал Сергей.– Он растет.

– Все растут!– рявкнула красноволосая.– Синяки только не у всех.

– Значит так...– Вероника перевела огонь на себя.– Первое: алкоголиков здесь нет. Можете зайти на кухню, порыскать по шкафам. Пустых бутылок нет, заначек нет.

– Зависимые бутылки дома не хранят,– отрезала гримза.– Шифруются. Стыдно потому что. Пустую тару выбрасывают. А заначки не держат, потому что себя боятся. Что сорвутся посреди недели и на работу не выйдут. Я-то знаю!

Игорь подумал, что она действительно знает. Этим может объясняться ее изъеденная внешность, ее склонность всех подозревать огульно. Не исключено, гримза сама не прочь кирнуть. Или была такой, но справилась – закодировалась, или зашилась, или уверовала в Иегову,– и теперь она уверена, что все вокруг только и думают, как залить за воротник и прогулять работу.

– Ну раз уже с соседями знакомы, можете у них поспрашивать,– веско заметила Вероника.– Про пьянки-гулянки-драки и все такое. Вам всего лишь наверх подняться, к этой бабке. Она же вам настучала?

Добрая брюнетка проявила выдержку и ничем себя не выдала. А вот гримза на мгновение опустили глаза. Вероника понимающе кивнула.

– Мы уже интересовались,– вежливо пояснила добрая.– Именно поэтому мы сейчас просто беседуем. Вас характеризуют, как благополучную семью. Кто-то даже назвал вас «образцовой». Так что у вас есть возможность рассказать нам свою версию.

– У вас есть дети?– внезапно спросила Вероника добрую. Впервые ей удалось пробить броню этой госслужащей.

– Это совершенно не относится к делу,– отрезала та.

– Мне просто интересно,– настаивала Вероника.– Я хочу понимать, с кем я говорю. Можете не отвечать, если это такой секрет.

– У меня нет детей,– сказала брюнетка, и в ее добром голосе прозвучали дребезжащие нотки нервозности.

– Просто вы уже не молоды, – пояснила Вероника, и брюнетка уставилась на нее с ненавистью. Мама, ты монстр, – не уставал восхищаться Игорь. Кого угодно перешибешь.

– Вы предлагаете обо мне сейчас поговорить? – прошипела брюнетка.

– Не-а. – Вероника перевела взгляд на гримзу. – А у вас? У вас есть дети?

– Есть! – буркнула красноволосая. – Семеро по лавкам.

Всем было очевидно, что гримза врет. Игорь в очередной раз подумал: почему мама с такими мозгами и хваткой сидит рядовым бухгалтером?

– Объяснения простые, – сказала Вероника. – Игорь ходит в дзюдо. Вы можете это проверить... если уже не проверили. Наш городской дворец спорта, тренер – Рахимкулов Ирек Римович. Секция – травмоопасная. Они там дерутся... или борются... я точно не знаю, как у них это называется. Оттуда и синяки. Ради интереса зайдите в интернет и посмотрите, как они друг друга швыряют на маты. Реальные бои смотрите, не показульки. Очень странно было бы ходить в дзюдо несколько лет и не получить ни одного синяка, вы не находите?

– А если бы он в бокс ходил? – вклинился Сергей. – Я сам боксер. Я когда тренировался, то ходил с фингалами постоянно. И это вам тоже соседи могут рассказать, я в детстве тут жил. Я поэтому Игоря в бокс не стал отдавать, потому что сейчас время другое. Эта ваша ювеналка... я как чувствовал...

– Я не знаю, что вам наговорили сочувствующие, – продолжила Вероника, – но не так уж часто у Игоря синяки. В последнее время – да, участились. Они готовятся к соревнованиям. Областной слет, между прочим. Тренировки стали жесткие. Еще раз настоятельно вам советую посмотреть одну реальную схватку дзюдо. При таких боях, особенно на тренировках, случайно заехать противнику локтем под глаз – ничего не стоит. Или упасть неудачно. Или еще что. Это не кружок рисования.

Добрая брюнетка кивала, выслушивая все это. Красная сидела, поджав губы и бросая голодные взгляды на Игоря. Точнее, не на Игоря, а на его прожектор перестройки. Игорь боролся с сильным желанием прикрыть фингал рукой. Но он не посмел. Перед родителями. Они вон борются за него. Что же он теперь, будет прятаться?

Когда Вероника закончила, то какое-то время царило молчание. Потом красноволосая хмыкнула.

– Мы все проверим, имейте в виду! – проворчала она. – Это только ваши слова.

– Спросите Игоря. – Вероника пожала плечами.

Красноволосая удивленно и настороженно оглядела парня, словно только что осознала, что это реально живой бро.

– Это ерунда! – отмахнулась гримза. – Конечно, он все подтвердит. Из-за страха.

– Да никто его не пугал! – взвился Сергей.

– погоди, Сереж! – Вероника утискала его на место. Потом этим двум: – Вы просили объяснений? Вы их получили. Если больше нет вопросов...

– Всего один, – сказала добрая брюнетка средних лет, с обручальным кольцом и без детей. – Что насчет других ребят? Из секции, я имею в виду? С которыми ваш сын тренируется. У них тоже часто бывают синяки?

Это конец, вдруг понял Игорь. Это легче, чем карточный дом. Это держится на плоскости только благодаря хладнокровию мамы. Но стоит шевельнуться... Стоит только шевельнуться в сторону дворца спорта, в сторону Ирека Римовича, и – кранты. Ирек Римович, проглотив удивленную слюну, экзальтированно сообщит, что никаких травм у него на тренировках нет в помине. И пацаны подтвердят. И родители пацанов. И друзья пацанов. Вообще весь мир подтвердит, лесные орлы даже. Брюнетка знает, о чем толкует: далеко бы ушел Римович, если бы его питомцы сплошь ходили с синяками. Родители нынче нервные. У акробатов – там были травмы. И то за несколько лет всего один серьезный случай: девчонка сверху пирамиды упала и руку сломала. Шуму было! Тренер по акробатике вылетел со своего места пробкой, даже

не обсуждалось. Хорошо хоть если на нары не отправился, или не прибили вечерком в парке. А в дзюдо – ну какие синяки? Бывают ушибы, но не до такой степени. И это нужно очень постараться, чтобы локтем в глаз заехать.

И вообще, то-то я гляжу (молвит мысленный Ирек Римович), Мещеряков пропадает периодически.

То есть он ни разу с синяками не появлялся на тренировках? (спрашивает плотоядно красноволосая гримза).

Ни разу! (Ирек Римович)

Понятно! (Красноволосая гримза). Будем изымать!

Над Игорем Мещеряковым вдруг нависли казематные стены детских домов. Вокруг образовался хоровод: злые гримасы надзирателей-садистов, маниакальные лица неблагополучных детей-сирот. Все они танцевали вокруг Игоря, радуясь новой жертве.

Докапывальщики! Они настгли его, загнали его в угол, стреножили и скоро пожрут. Сколько лет ему удавалось бегать от докапывальщиков! Сколько лет он ухитрялся обходить их ловушки, сглаживать нападения, как в айкидо, прорабатывать каждый шаг, чтобы не навернуться в уготовленную ему яму! Ни один человек, ни даже родители, не подозревали, какую ожесточенную войну Игорь вел все эти годы, дзюдо и Римович отдыхают.

Сейчас единственный человек, который может быть на их стороне – Петров, Виктор Петрович. К нему на прием они успели попасть заблаговременно, до прихода этих двух. Но если подключить Петрова, то, во-первых, всплывет история с лунатизмом и неадекватной психикой. И неизвестно, что хуже – детдом или психушка. А во-вторых, не факт, что Петров станет добрым самаритянином. Ну он повторит то, что родители сами сказали ему на встрече. Но подчеркнет при этом, что сам он ничего еще не проверял, Игоря он знать не знает, как и всю их мутную семейку, так что разбирайтесь сами. Вот и вся защита.

Игорь вспотел. Страх сменился ужасом, когда он увидел, как в маминых глазах мелькнуло отчаяние.

– Я понятия не имею, как у других ребят, – проговорила мама, стараясь сохранить свои позиции.

– То есть ваш сын приходит постоянно с тренировок с синяками, и вы даже не поинтересовались, как это обстоит с другими детьми? Не позвонили тренеру? Не подняли этот вопрос в спорткомитете? – по-доброму уточнила добрая.

Он вдруг понял, что нужно делать. Игорь Мещеряков вдруг понял, что нужно сейчас делать. Он явственно видел, что мама готова сдать. Ее следующая фраза будет о том, как в шесть лет Игорь впервые встал ночью с постели, дошкандыбал во сне до прихожей и звезданулся об пол, как какой-нибудь Шалтай-Болтай. И тогда ему кабзда. Узнают эти две – узнают все.

– Это не от тренировок! – выпалил он.

Все вылупились на него. Игорь на опеку не смотрел, смотрел на родителей. А родители пялились на него, с похожими, как две капли воды, лицами. Их взгляды... Их взгляды были какими-то неживыми, пуговичными. Словно они сейчас же, в этой комнате, молниеносно вычеркнули Игоря из жизни, чтобы спастись самим. Стали вдруг отчужденными. Наверное, ему просто показалось со страху.

– Что не от тренировок? – располагала брюнетка к продолжению.

– Синяки. Синяки эти не от тренировок.

– А от чего, малыш? – неискренне проворковала красноволосая гримза. – Говори, не бойся, ты теперь под защитой государства.

Хрень какая-то, мелькнуло в голове Игоря. Она эту фразу вычитала где-то и заучила?

– Синяки не от тренировок, но родители ничего не знали. Это я им говорил, что от тренировок. Но они не от тренировок.

Выдав абракадабру, Игорь замолк, наслаждаясь эффектом. Не исключено, предки надают впоследствии по шее за инициативу. Пофигу, Игорь спасал самого себя. Спасал от ювеналки, спасал от этих двух теток-чудовищ, особенно брюнетки, которая вполне способна швырнуть ребенка в клетку с тиграми – она сделает это вежливо и по-доброму.

Он спасал себя от докапывальщиков. Никто здесь не знал про докапывальщиков, а он знал. И *они* знали про него.

– Что-то совсем у нас путаница выходит, – попеняла брюнетка. Потом Веронике: – Можете пояснить?

– Пока нет, – отозвалась мама, не сводя взгляда с Игоря. Она сориентировалась молниеносно, как всегда. Она проиграла этот бой, и пусть теперь Игорь попробует. Хуже не будет.

– Так что ты хотел сказать, малыш? – предвкушала гримза.

От «малыш» коробило зверски, тем более из уст красной это звучало как «малыщ». Еще она стала слегка притоптывать от нетерпения. Ядрены сосисоны, точно также притоптывал дядя Радик, папин друг, в аккурат перед тем, как занять у папы денег на бухач.

– Разное бывает, – прошамкал Игорь, светя глазом. – Но в основном, после тренировки. На улице уже.

– А дальше?

– Ну так... денег, к примеру, просят. Большие ребята. Если не даешь, могут побить.

– Большие ребята? Ты имеешь в виду – из секции? С кем ты тренируешься?

– Не-а, – с готовностью мотнул головой Игорь. – Местные. Ну, рядом живут которые, на районе. Они знают, что мы в дзюдо ходим, и приходят после занятий ко дворцу спорта, чтобы докопаться. В общем, уличные разборки, ничего особенного. Мы уже с пацанами поговорили с ними, все утрясли. Не будут больше докапываться.

Несколько секунд комнату наполняла зимняя тишина. Даже, казалось, снег где-то хрустел едва-едва. А потом вдруг резко что-то изменилось. Что-то ушло из пространства комнаты, некий злой дух покинул квартиру. В поведении присутствующих на первый взгляд ничего не изменилось, но Игорь ясно ощутил: разговор перешел в иную плоскость.

– Ясно! – кивнула гримза с таким видом, словно у нее из-под носа увели выгодный контракт. – Теперь ясно. И сколько ты уже ходишь в эту секцию, малыщ?

– Несколько лет... – пожал плечами Игорь. – Года четыре... Как-то так...

– Скажи, пожалуйста, – вступила брюнетка. – И что, все четыре года тебя вот так избивали? Запугивали, что ты вынужден даже от родителей это скрывать?

– Да нет же! – отмахнулся Игорь. – Только в последнее время стали чет докапываться. Но мы все утрясли уже! – повторил он на всякий случай.

По глазам красноволосой Игорь понял, что все-таки накосячил. Но это был уже отблеск прежней плотоядности.

– То есть, я правильно понимаю? – гримза уставилась на Веронику и Сергея. – Ходил ходил ваш ребенок, все нормально было. Потом вдруг начал приносить домой синяки. И вы так легко поверили в сказочку про спортивные ушибы? Или просто думать не хотелось? Как вы это сказали: пацан же, спортом занимается? Все нормально?

Игорь поспешил на помощь с ответом:

– Так ведь соревнования областные же скоро! Я на это и списывал! Говорил, что тренировки стали жесткие.

К слову, о предстоящих соревнованиях – Игорь не врал. Вот только к соревнованиям его и близко не подпустят по причине его «спортивных достижений». Еще и заставят подписать бумагу, запрещающую ему приближаться ко дворцу спорта на время соревнований, чтобы своим петрушечьим видом и криворукостью не позорить весь город.

– А почему бы тебе правду не сказать! – злобствовала гримза. – Ты боишься родителей? Они бы тебя поругали?

– Ничего я не боюсь, – притворно обиделся Игорь. – Просто это не по-пацански как-то.

Грымза поджала губы. Ответ ее не удовлетворил, но крыть ей было нечем. Мама, оценив обстановку, вернула себе бразды правления.

– Я думаю, достаточно на сегодня. Дальше мы сами разберемся.

– Ага, разберетесь вы! – рявкнула гримза. – Вы уже разобрались вон, я вижу. Ребенок ходит с синяками, а они в ус не дуют. А еще на систему наговаривают. И чем бы это все кончилось, если бы мы не вмешались? Его бы дальше били? А потом убили?

– Мы вам весьма благодарны, – перебила Вероника, – но все-таки я настаиваю. Вы выяснили, что дома Игоря никто не бьет. Он признался, как дело было. Еще раз вам спасибо. Мы разберемся с этим.

– Боюсь, вы заблуждаетесь, – располагаяще улыbnулась брюнетка. – Теперь все, что касается вашего сына, нас интересует. Мы защищаем детей не только внутри семьи, но и вне ее. Если родители не в состоянии это сделать. А вы, я так понимаю, не в состоянии. У вас нет контакта с сыном, он вам не доверяет. Он предпочитает сносить побои, но дома молчит. Это тревожный звонок.

Повисла небольшая пауза. Каждый ждал, что у другого сдадут нервы, и тот испортит игру.

– Впрочем, вы правы. – Брюнетка внезапно поднялась на ноги. Красная, зыркнув недоуменно, послушно вскочила следом. – На сегодня мы закончили. Но я бы не исключала вероятность дальнейших встреч. Потому что я не верю в эту историю с хулиганами. Лет пять назад поверила бы, а теперь – нет. Я думаю, что правда прозвучала в самом начале. Это – от тренировок. А вернее, от некомпетентности тренера, если не хуже. Если там вообще не процветает дедовщина. Страхи вашего сына вполне понятны, ничего удивительного, что он пытается на ходу выдумать таких виновных, которых никогда не найдут. Потому что боится, что от правды станет хуже. Так что можете получить еще один камень в свой огород. Рахимкулов, вы говорите? Хорошо, придется учинить проверку в отношении этого Рахимкулова. А также в отношении вас, дорогие мои родители. По причине вашей халатности. По причине того, что даже не озаботились копнуть глубже, довольствуясь рассказами сына.

Брюнетка совершила движение к двери, но вдруг задержалась и взглянула на Веронику.

– Что касается вашего вопроса насчет детей: у меня был сын. Он погиб. Утонул в бассейне. Так что я прекрасно знаю, что такое спортивные секции и что там происходит.

Угол рта Вероники дернулся. Брюнетка поспешила к выходу, а красноволосая послушным Пятачком – следом. Отец пошел закрыть за ними дверь. Мама продолжала сидеть в кресле. И Игорь продолжал, стараясь слиться с креслом. Глаз он не поднимал, но очень хорошо чувствовал, как мама его изучает.

Вернулся отец. Поразительно, но на обратном пути он прихватил свой недоеденный бутер и теперь с упоением нажевывал. Мама прикалывалась над отцом, называя того «мягкообтекаемым». Любые проблемы разбивались об отца, как сырые яйца о стекло, и сползали на землю. В то время как мама с виду оставалась холодной и неприступной, но переживала внутри, отец ни о чем не переживал вообще. О ценах на бензин разве что.

– Слушай, а они должны были нам чего-нибудь оставить? – бодро поинтересовался отец. – Квитанцию какую-нибудь, я не знаю...

– Должны были составить акт, – сказала мама.

– А чего ж ты у них не спросила? – удивился отец.

Глаза мамы сверкнули. Очень опасный знак. Игорь поежился и потупился еще сильнее, для верности.

– Потому что я только сейчас об этом подумала, – процедила мама. – Потому что до этого я думала лишь о том, как разрулить ситуацию, в то время как ты сидел и яйца грел.

– Да не грел я ничего, – обиделся отец.

– Но кажется, я зря старалась,– продолжала мама, не обращая на него внимания.– У нас новый разводящий теперь появился. Вот не знаю даже, хвалить его или ругать.

Они вдвоем уставились на Игоря.

– Слышь, Игорюня, а ты вообще в дзюдо ходил?– хохотнул отец.– Или на курсы шпионов? Лихо ты развел этих кошелок.

– Только теперь выяснится, что ничего там страшного не происходит, в спортивной секции, – с напускным равнодушием сказала мама.

– Ну и пофиг!– Отец доконал бутерброд и вытер ладони друг о друга.– Их проблемы. Игорь же ясно сказал, как дело было. Их проблемы, что не поверили. Эх, жалко, акт этот не написали, чтобы Игоря слова подтвердить. Молоток, Игорюня! Пятерка тебе, а то я уже дергаться начал, когда они нас прижали.

«Ты не поверишь!– кисло подумал Игорь.– Только я не вас тут спасал».

– А можно я тогда не пойду сегодня в дзюдо?– спросил он, стараясь придать себе максимально невинный вид.

– Да по-любому!– махнул рукой отец и плюхнулся на диван, где до этого сидела опека.– Они ж всяко будут там вынюхивать теперь. Прикинь, у этой чувихи пацан утонул! Она, наверное, спорт ненавидит теперь. Так что нефиг тебе там рисоваться. Да и вообще больше не рисоваться. А то реально побьют.

Исполнено! Он все-таки добился своего. В течение нескольких лет Игорь изыскивал способы послать к чертям эту секцию. Изыскивал, тестировал, бывал пойман, получал по загривку, зализывал психологические раны и снова изыскивал. И вот, наконец, исполнено. Он одним выстрелом и родителей вытянул из ямы, и дзюдо припечатал.

– Я рада, что все счастливы,– произнесла мама мрачно.– И никто не подумал, что мы будем говорить дальше. – Она уставилась на отца.– *Что* мы будем говорить дальше? Раньше мы на секцию списывали, а теперь? На хулиганов? Не многовато ли хулиганов будет?

– Так может Петров этот...– начал было отец и замолк.

Они смотрели друг на друга. Родители смотрели друг на друга. Сейчас между ними происходил некий обмен репликами, которых Игорь не слышал. Он отвернулся. Он не хотел «слышать», не хотел разгадывать эту ментальную морзянку. Он не хотел видеть озадаченность на лице отца, напряженную отстраненность на лице мамы; не хотел быть участником немых разговоров, не хотел быть участником чего-то, что крылось за немymi разговорами.

Но он был. Каким-то участником он был. И не каким-то участником, а самым что ни на есть ролевым. Потому как немые разговоры касались его ночных разведывательных вылазок. До первого угла. А после – бряк, конец разведчику.

Игорь Мещеряков был молчаливником, инфантилой, ненавистником дзюдо и школьных занятий, ночным нетопырем, но он никогда не был тупым. Хоть окружение зачастую и считало его тупым. Он давно подозревал, что родители не все ему рассказывают. И за его недугом кроется страшная тайна.

Раньше ему, вдохновленному произведениями Дюма, нравилось видеть за этим какую-то семейную тайну. Быть может, корнями уходящую в прошлое на несколько поколений. Этакое родовое древо ходунов-во-сне-и-хрясь-потом-мордой-о-пол. Или он, Игорь, вообще усыновленный. А его родители – не его родители. Ведь куча признаков громоздилась в углу с табличкой «за», и почти шиш – в противоположном. Был он какой-то «не наш», этот Игорь, он и сам это понимал. И вот он жил, потомок рода проклятых, обреченных ходить во сне, – жил в детдоме, откуда его в раннем возрасте взяли отец с матерью. А теперь он начал чудить, и они думают: может, назад его сбегать, пока не поздно?

Все это, разумеется, сказки. Ему нравилось так думать. Но на самом деле такими мыслями он пытался не дать себе думать о другом. Что если это отчуждение, возникшее на их лицах, – и не отчуждение вовсе, а страх? И не страх перед опекой, а страх – перед ним! Перед

ним, Игорем – сыном, школьником и бывшим недоделанным дзюдоистом! Ведь то, что он думал про Петрова, применимо и к нему самому: он знает подробности о своих приступах только со слов родителей. Лично он знает только то, что периодически просыпается по утрам с фингалом, или опухшим ухом, или болью в боку, или в затылке, или в локте. То, что он ходит во сне, а потом падает, он узнал от родителей.

Что если он не только ходит во сне, а потом падает? Но родители шадят его и не рассказывают большего. Или боятся рассказывать. Боятся, как того пацана из фильма «Сомния», у которого сны оживали. Вряд ли Игорь что-то там оживляет, кроме собственной фантазии и мужского достоинства, но... что если он буянит? Барагозит не по-детски? Кидается на родителей? Царапает стены? Ходит по потолку? Читает наизусть «Майн Кампф»? В общем, ведет себя стопроцентным клиентом экзорцистов. И именно поэтому родители боятся огласки, потому что тогда вылезет на поверхность вся правда.

Но хуже всего было думать, что родители каким-то образом знают о Кабе. О Кабе и о Сделках. Сделках с Кабой, сделках со своей совестью и – о жестокой плате за эти сделки.

Пользуясь моментом, когда родители увлеклись своими телепатическими играми, Игорь улизнул в свою комнату. Со всеми этими стрессами он даже толком не порадовался тому, что вот так влегкую, в один момент, он скинул многолетнее бремя. Слишком много гнетущих мыслей и без дзюдо.

Что ж, когда в мире столько непонятного, и настроение швах, – читай книги. В любой непонятной ситуации – читай книги, и не прогадаешь. К тому же вечер неожиданно освободился, а до конца каникул – еще целый месяц. Игорь включил ридер, свернулся на диване перед окном и погрузился в чтение.

Ближе к рассвету настроение Игоря значительно улучшилось.

Глава 5. У Петрова-2.

– Сегодня давай без напрягов, Игорь. Пообщаемся. Возьмем отвлеченные темы. Мы друг друга не знаем, давай завязывать знакомство. Просто поговорим.

Игорь сидел в кабинете Петрова и проходил сеанс психотерапии. Или как еще называется сей грустный процесс, Игорь толком и не знал. Сегодня он сидел в кресле напротив стола. Оно располагало, это кресло. Ко сну, например. Или почитать что-нибудь, а потом поспать. Или подумать о будущем, глядя в окно на детскую игровую площадку. А потом еще поспать. К отвлеченным темам оно не располагало, на взгляд Игоря: слишком мягкое. Но Петрову виднее. Радовало, что Игорь занимал позицию вполоборота. Это избавляло его от созерцания хозяина кабинета и его канареечной символики в виде галстука.

Перед тем, как приступить кговорильне, Петров попросил Игоря заполнить анкету, вручив ему доску-планшет с зажимом. Игорь мельком пробежался по вопросам, открепил лист, перевернул, пробежался по другой стороне. Вздохнул. Взял ручку, сосредоточился на заполнении. Он добросовестно заполнил все пункты и вернул планшет. Отметил, как психотерапевт положил телефон на край стола, ближе к Игорю. По-любому диктофон включил. Ок, анкету Игорь заполнил. Какие дальше игры? Будем решать задачки по логике? Или проходить богомерзкие иностранные тесты?

Однако Петров его удивил. Он сказал:

– Я начну с себя. Я Петров, Виктор Петрович. Я старший в семье, моя сестра была младше меня на семь лет. Она умерла, когда ей было 26, а мне 33. В 20 лет я женился, через два года у меня родился ребенок. Он тоже умер. Какая-то детская болезнь, он умер во сне. Толком никто не определил. Так бывает, это называется «детской смертностью». Я начал пить, мы с женой развелись. После развода я стал пить больше. Потом попал в больницу, едва выжил. Только там я осознал, что практически не помню несколько лет своей жизни. При этом я продолжал ходить на работу и как-то справляться с обязанностями, и меня даже не поймали с поличным. Но все это делалось подшофе и как в тумане. – Он невесело улыбнулся. Игорь напряженно хмурился в окно. – Так получилось случайно, что друзья пригласили меня с собой в Индию. Я согласился автоматом. Что мне было терять? Несколько недель я жил в ашраме, это такая индийская коммуна. А когда вернулся, я точно знал, чем хочу заниматься. Вернее, скажем так, я этого хотел и раньше, всегда хотел. Просто теперь стал готов.

Он сказал:

– Я много думал в Индии... Я хочу верить, что мне открылась истина. Смерть моего сына можно было предупредить. Любую смерть можно предупредить. Любой несчастный случай. «Ванговать», как сейчас говорят. Все события в будущем – это результат наших сегодняшних поступков и мыслей. И если быть внимательным, можно вроде как застраховать будущее. Даже изменить его. Я не был внимательным, и случилась трагедия. Для меня мой сын был обычным младенцем. Как все. Но он не был как все. Что-то подступало к нему изнутри. И нужно было просто приглядеться, просто быть чаще рядом, просто быть внимательнее. Я мог заметить знаки. Но жизнь вокруг такова, что зачастую это очень трудно сделать.

Он сказал:

– Я стал учиться этому. Помогать другим. Я учился, работал на двух работах. Я вдруг понял, что мне не нужно свое «я». Я много лет жил и отстаивал свое «я», мне это ничего не дало. И сейчас я счастлив, что растворяю свое «я» в других. В таких, как ты, Игорь, в ваших проблемах. И живу я давно не собой, я живу вами. Я хорошо знаю свой предмет. Знаешь ли ты свой так же хорошо?

Фигасе, кто у кого на приеме, интересно?! Игорь сидел и тихо изумлялся. Только с виду оставался каменным. Да и синяк не позволял разглядеть его истинные эмоции, хоть тот и начал выцветать, – но Игорь все равно ходил по улицам в темных очках.

– Какой предмет?– пробормотал Игорь.

– Твой предмет – это ты,– улыбнулся тот.– Вернее, с сегодняшнего дня это наш с тобой общий предмет. И будет таковым оставаться, пока мы не расковыряем твои проблемы.

Игорю стало так любопытно, что он не сдержался.

– А вы не женились потом? Еще раз?

– Нет, Игорь. Не женился. И детей больше нет. И не будет. Я просто не решусь уже.

Потому что знаю, как может быть, понимаешь?

Игорь кивнул. Он понимал. Страх. Игорь Мещеряков знал, что такое страх.

– Но перейдем все-таки к тебе. Что любишь, чем живешь? Музыка, фильмы? Как насчет фильмов? Трансформеры? Люди Икс? Хранители?

Игорь ухмыльнулся, но взгляд от окна не оторвал.

– Смотрел.

– Часто смотришь?

– Не особо. Иногда смотрю.

– Один?

– С папой иногда. Когда у него время есть.

– А мама?

– Мама не смотрит.

Тебе бы в суде выступать, иронично подумал Петров.

– Что насчет компьютерных игр?

– Играл когда-то. Дум, Халф-Лайф, Бишок и типа того.

– Стрелялки?

– Угу, они.

– А потом? Перестал играть?

– Ну как... Неинтересно стало...– Игорь подумал.– Даже не то что неинтересно...

Скучно. По сути одно и то же.

– Группы в интернете? Двач, Нульчан?

– Двач умер,– удивился Игорь. Потом пожал плечами.– Не... На Фишки захожу, На Пикабу. Старый Лурк читаю иногда. Вконтакте есть.

– Твои родители говорили, ты спортом увлекаешься?– заметил Петров.

Игорь нахохлился и зыркнул исподлобья.

– Нет уже,– буркнул он, отменяя мысленно белые кимоно и лесных орлов.– Бросил.

– Взял да бросил?– удивился Петров.

– Типа того.– Игорь говорил неприязненно.– Мне не особо нравилось. Родители просто заставляли.

– Теперь перестали заставлять?

– Типа того. Уговорил.

Что ж, пока все звучит весьма логично.

– А что вообще насчет спорта? Физкультура в школе тебе тоже не нравится?

– Да нет, нормально,– хмыкнул Игорь.– Бегаю только плохо, дышалка слабая.– Он подумал и добавил:– Очень люблю плавать.

– Так тебе надо сказать родителям об этом! Пусть запишут тебя в бассейн.

Игорь опять нахохлился и угрюмо покосился. Не на него – на галстук. Потом молча залип на окно. Уже интереснее. Похоже, это пока закрытая тема, углубляться Игорь не намерен. По крайней мере, на первых порах. Интересно, проблема в спорте, или проблема в «сказать об этом родителям»? Это важно.

– Как насчет книг?– переключился Петров.

– Читать люблю,– тут же откликнулся Игорь.

– Супер! – Петров привык, что среди современных цифровых детей процент читающих резко уменьшается. Они смотрят фильмы и интернет. Изначально он полагал, что Игорь из их числа, и был приятно удивлен. Его родители, судя по наружности, ухваткам и развитости речи, осилил детективчик, но «Война и мир» перекосит им мозги и ввергнет в депрессию. – Много читаешь?

Игорь кивнул.

– Есть любимая книга?

– Не-а...– Игорь смешался. Петров улыбнулся. Вопрос с подвохом, ему хотелось увидеть реакцию. Для иных деятелей и страничка беллетристики выглядит энциклопедией. Прочитав однажды в поезде от нечего делать высер масскульта, такие персонажи до конца жизни видят в зеркале интеллектуала. Разумеется, у книгоманов нет любимой книги. Либо это будет развернутый список до соседней звезды.

– А что запомнилось из последнего?

– Крабат,– ответил Игорь.

Ну, понятно. Читает он. Сказки читает. Впрочем, «Крабат» не кажется сказкой для малышей, так что судить рано. Петров книгу не читал, только фильм смотрел. Уснул под него.

– Чем понравилась?

Игорь секунду подумал.

– Атмосферой.

– Понимаю. Тогда такой вопрос. Чем конкретно тебя привлекает литература? Что ты вообще думаешь о литературе, какое она имеет значение в обществе? Ты думал об этом? Что можешь сказать?

– А что нужно сказать?– Игорь, кажется, даже испугался.

– Твои друзья много читают?

– У меня их нет...

– Почему-то меня это не удивляет.– Петров добродушно хмыкнул.– Ну хорошо, твои сверстники. Одноклассники. Они много читают?

– Не знаю...

И он не знал! Воистину! Он не интересовался, чем заняты другие. Он не обращал внимания на людей, старался даже не смотреть в их сторону, потому что взгляды – они тоже разные. Иной раз и взгляд может быть легкой формой докапывания. А он не хотел быть докапывальщиком. Хуже, чем проиграть дракону,– самому стать драконом. Да, он перегибал палку в своем напускном равнодушии, но золотой середины Игорь не видел, и уж лучше перегнуть, чем проснуться однажды утром, и обнаружить, что ты сгнил изнутри.

Петров ничего не знал о теории докапывальщиков (ну, может, узнает еще). Он бы эту теорию отверг. Игорь напридумывал себе, книжки же читает, фантазии палата. Истина проще: люди ему неинтересны. А он неинтересен им, людям. Они на разных волнах. Возможно, вообще в разных водоемах.

Поразмыслив, Игорь добавил:

– Мне кажется – нет. Не много.

– Вот поэтому мне и интересно твое мнение,– подхватил Петров.– В чем ты видишь силу литературы?

– Ну... Книги учат думать,– брякнул Игорь.– Писать правильно. Много историй, можно чему-нибудь научиться. Какой-то опыт почерпнуть.

– Ты говоришь, как голосовой помощник! – рассмеялся Петров. Игорь машинально насупился, а потом смекнул, что это не издевка, и тоже ухмыльнулся за компанию. Как бы то ни было, Петров его раскусил.– Кто так говорит? Учитель по литературе?

– Ну... Он тоже говорит.– Игорь крикнул и покачал головой.– Все вообще говорят. Я имею в виду взрослые.

– А потом выясняется, что советчики и книгу в руках не держали,– подхватил Петров.– Надеюсь, твой учитель не в счет. Пятерка тебе, Игорь, за примазывание, двойка – за собственное мнение. Я тебя хочу услышать. Не повторение чьих-то слов, а то, что думает Игорь Мещеряков.

Игорь поерзал. Неиспользуемые годами шестерни заскрипели; он не привык к таким вопросам. Он отработал защитную реакцию, довел ее до автоматизма. Обычно он уклонялся или отмалчивался в ответ. Вопросы служат уловкой, отвлекающим маневром, ловушкой для простаков. Это охота докапывальщиков всех мастей. Любой вопрос такого рода – это сигнал охотничьего рожка, от которого свободные звери должны ссаться кипятком. Стоит открыть свои мысли, свой разум – и туда польются помои со всех сторон. Стоит открыть сердце – и в него полетят пики и копья. Больше всего докапывальщики ненавидят открытые сердца. Их они раздирают на части.

Игорь на всякий случай стрельнул глазами в сторону Петрова. В обход галстука. Увиденное его немного расслабило. Вроде бы тот настроен слушать, и на лице – действительно интерес. Оставалось надеяться, что тот не прячет за спиной томагавк. Игорь прочистил горло.

– Я бы вообще исключил литературу из школьной программы. Я бы сделал ее хобби, а еще лучше – закрыл бы под замок. Ну типа как в Ватикане хранят свитки, и доступ туда только избранным; я бы все книги запихнул в Ватикан, и пускай там лежат себе.

– Вот так раз!– присвистнул Петров. – Тоталитаризм какой-то получается. И чем же тебе так книги не угодили, с чего такая реакция?

– Бесит, что неправильные вещи выдают за правильные. И пишут, как будто так и надо. Но в реальности совсем не так, а люди читают и верят, а потом жестоко обламываются.

– Очень интересно,– сказал Петров, не будучи уверенным в этом.– Но слишком размыто. Можешь пример привести?

– Ага, Тим Талер,– выдал Игорь.

– Это кто?

– Это книга такая, по ней даже фильм в СССР сняли. «Проданный смех» называется. Не смотрели? Может, читали?

– Не смотрел и не читал,– признался Петров.– Но не суть. Что же там неправильного?

– Ну вот, Тим Талер. Это мальчик из бедной семьи. У него был самый лучший смех, очень заразительный и радостный. Потом пришел колдун и купил у него смех. Задорого. Тим Талер стал богатым, но не смог больше смеяться. Даже улыбнуться не мог. Он стал несчастным, понял, что ошибся, и захотел вернуть свой смех. Потом он пытается снова найти колдуна, ему помогают друзья и все такое. В конце они перехитрили колдуна и вернули Тиму Талеру его смех.

Похоже, опять сказка. Но Петров понимал, что Игорь не воспринимает это как сказку. И есть предпосылки к выводу, что Игорь вообще ничего не воспринимает буквально, а видит сразу тройное дно. Интуиция вдруг подсказала Петрову, что он еще хлебнет с этим Игорем. Без понятия – хорошего хлебнет или плохого,– но парень явно возник в его жизни, чтобы внести смуту. Слишком нестандартно мыслит. Возможно, Игорь Мещеряков – новая планка в его профессиональной деятельности.

– По-моему, прекрасная книга,– аккуратно высказался Петров, чтобы не мутить воду. – И интересная, должно быть...

– Угу,– согласился Игорь.– Я за вечер прочитал.

– Но ты ее считаешь... какой? Неправильной? Обманной? Почему же?

Игорь уставился на него. С подозрением. На мгновение он напомнил Петрову тролля. Еще этот желтый синяк его, как раз в тему. Тролль с подбитым глазом. Ночной. Ночью актив-

ничает, днем спит. Его фонарно-подбитый взгляд словно вопрошал: кто ты, Петров? Кто ты есть на самом деле?

– Бедные люди не смеются, – осторожно пояснил Игорь. – В детстве – смеются. Все в детстве смеются. Потом вырастают и перестают. Мало денег, много проблем. Этот Тим Талер, он бы все равно перестал смеяться с возрастом. Пока родители о нем заботились, а потом бы стало некому. Потом бы он женился, дети бы родились, еще больше проблем. Даже если бы он продолжал радоваться жизни, все равно безденежье его бы доконало. А так ему богатство предложили вовремя.

– То есть, – подытожил Петров, – мы приходим к известному выражению «лучше быть богатым и грустным, чем бедным и грустным».

– Типа того, – кивнул Игорь. – И писатель должен это знать. Взрослый вроде как. Я не верю, что он не знает. Он специально так пишет.

– И для чего он так делает, по-твоему?

– Не знай.

Все ты знаешь, подумал про себя Петров, начиная осознавать, что за крендель перед ним тут расплывается. Все-то ты знаешь. По меньшей мере, для себя ты определился с ответом. Мелькнула тревожная мысль, за которую Петров попытался ухватиться, но упустил. Что-то, связанное с замещением. Что-то серьезное, от чего даже мурашки побежали.

– Ох уж эти сказки, ох уж эти сказочники, – невнятно обронил он, собираясь с мыслями. – Ну а что в конце? Тим Талер вернул свой смех, что дальше? Он вырос и перестал смеяться, и раскаялся во всех своих земных делах? Дай угадаю: ничего такого не было, просто сказка закончилась, правильно?

Игорь мотнул головой.

– Закончилась, но немного не так. Вернул смех и богатство сохранил. Повезло просто.

– Так может, смысл истории в том, что по-настоящему ценить мы можем только то, что потеряли?

– Может. – Игорь с легкостью согласился. – Я думал об этом.

– Или могу тебе подкинуть еще один смысл. То, что теряется со временем – теряется незаметно. Я имею в виду, что люди перестают радоваться жизни не в один день. И даже не в один год. Это процесс многих лет. Сначала человек перестает улыбаться по утрам. Потом он перестает улыбаться знакомым. Потому что кто-то из знакомых поставил ему подножку, и он теперь переводит это отношение на остальных. Дальше он перестает реагировать на шутки, потому что в этот момент у него голова забита совсем другим. Так лет через десять человек смотрит на себя в зеркало и внезапно не узнает. Этот Тим Талер, он осознал боль потери, потому что все произошло резко. Другие люди – обычные, не сказочные, – даже не могут осознать, что они теряют.

– Так вот об этом и следовало писать! – обрадованно воскликнул Игорь. – Как оно на самом деле бывает.

– Об этом тоже пишут, – возразил Петров. – Есть такие книги, их немало. Просто здесь история другая, вот и все.

– Может быть. Но в других книгах – другая неправда. Дело не в историях. Истории как раз почти всегда на высоте. Дело в самой неправде.

– То есть примеров у тебя – масса? – улыбнулся Петров.

– Да легко! – Игорь даже вдохновился. – Из Гриммов. Был один король, которого заколдовали. Ну и он должен был ходить в лохмотьях девять лет, и все над ним прикалывались. Наказание такое. Один раз король зашел в трактир погреться. Люди его увидели, стали ругаться, сидит такой в лохмотьях и воняет на весь трактир. Трактирщик его выгнал. Потом наказание кончилось, король вернулся в свой дворец. И он поехал в тот самый город и стал раздавать милостыню нищим на улице. Какой-то нищий ему помог тогда, вот он теперь всех благодарил.

И специально прошел мимо трактирщика и ничего ему не дал. И снова пишут так, как будто это правильно.

– А что неправильного? – Петров и так знал ответ, но подначивал пациента на откровенность.

– Король как минимум должен понимать, что трактирщик – не король. У него нет богатства, дворцов, он обычный человек, ему нужно зарабатывать деньги. Семью кормить. И что, если бы он не выгнал этого в лохмотьях? Ушли бы все другие посетители, он бы ничего не заработал.

– Ты ставишь корыстный интерес впереди сострадания? – уточнил Петров.

– При чем тут корыстный интерес?! – возмутился Игорь. – Трактирщику просто нужно выжить. Жить – это корысть разве? Выжить – какая же это корысть? А нищий – он что делает? Ничего не делает. Они просто просят милостыню, ни о ком не заботятся.

Чувак прямо-таки излучение всевозможных сказок. Аж слепит. Сказочный аналитик в вакууме. Интересно, это у них в школе учитель литературы такой педагогический гений, что склоняет детей к недетским размышлениям? Вряд ли, скорей всего Игорь сам такой вылутился.

– На мой взгляд, все логично, – пожал плечами Петров. – Каждая история чему-то учит. Здесь мы наблюдаем взаимоотношения персонажей. Кто-то может быть прав, кто-то не прав. На то и даны книги. Показатель хорошей книги – тот факт, что она заставляет думать. Если прочитал книгу и тут же забыл – это дрянная книга, она ничему тебя не научила. Я здесь не вижу проблемы.

– Писатель пишет так, словно король прав, – вновь вежливо пояснил Игорь, как для тупого. – Как будто трактирщик заслуживает быть наказанным. И призывает всех читателей кинуть в него тапок.

Ну что ж, чертяка прав, и ничего тут не попишешь! Автор книги ведет читателя. В какой-то мере навязывает ему свое мнение. Трактирщик в доверок награждается отвратительным характером и мерзкой мордой. А нищий – наоборот, рассказывает слезливую историю о том, какой он грандиозный чел и как ему в жизни не повезло. Дети особенно ведутся. Дети машинально подстраиваются под точку зрения автора. В процессе чтения они начинают видеть глазами писателя, и если писатель всячески демонстрирует, что вот этот господин – хороший, читатель склоняется к тому же.

А взрослые, далеко ушли? Разве что в частности. Суть в том, что человек, читающий книгу, зачастую не видит за героями самого писателя. А Игорь видит.

Состоявшийся, признанный писатель-классик, – это нечто вроде незыблемой глыбы. Если он пишет, то он наверняка несет в массы некую глобальную и мудрую идею, и давайте, дети, все вместе подумаем, что хотел выразить классик своим пером. Да ничего он не хотел выразить. Ничего толкового. Просто однажды, когда он был нищим непризнанным гением, он забрел в трактир, и хозяин трактира вышвырнул его на помойку за то, что тот не смог заплатить за суп или пиво. И теперь он просто мстит. И поскольку он ни с какой стороны не король, и у него нет казны и возможностей, он мстит единственным способом, до которого дотягиваются его мстительные ручонки: пером и бумагой.

Вот только Игорь не должен ничего этого видеть. Сейчас он должен максимум голых теток на мониторе разглядывать и мечтать о том, как вырастет, напишет песню в стиле гангста-рэп, заработает бабла и купит крутую тачку. Ему 13 лет, его родители – почти примитивы. Он сам окружен всеми прелестями провинции с его затхлою атмосферой. У него нет друзей, по его собственному признанию, у него нет авторитета, у него нет гуру. Посредственный школьник, никакой спортсмен. Увлечений, помимо книг, нет.

Что-то не то. Петров опять подумал о замещении и поежился. Мысль мелькала где-то на задворках, важная мысль, но в силки не давалась.

– Ты думаешь, писатель мстит трактирщику?– спросил он Игоря напрямую.– Это был какой-то человек из его жизни?

– Хуже,– невозмутимо ответил тот.– Он так пишет, чтобы другие тоже так делали. Чтобы *все* мстили трактирщику. И другие верят и начинают мстить. Как этот король. Никто не думает о самом трактирщике.

– Только о себе думают, так?

– И о себе не думают. Просто делают. На автомате. Как собачки. Прочитали одно, потом другое. И так незаметно делают, как в книгах. Их же много, всех этих историй. Триллионы, больше чем звезд.

– Игорь, сколько книг ты прочитал?– серьезно спросил Петров.

Тот на миг оторопел, потом снова пожал плечами.

– Да не знай... Никогда не считал. Да и как считать? Много же сборников. Это за одну книгу брать или за несколько?

– Все-таки с этой стороны сейчас удивительное время.– Петров вдруг понял, что он испытывает лютую приязнь к этому молодому человеку. Который пытается понять жизнь в силу своего возраста и опыта. Который задает жизни вопросы и психует, потому что жизнь никогда не торопится отвечать. Который переворачивает понятия с ног на голову – как это и принято в подростковом возрасте. Который несет в руках флаг революции. – Я помню, как многие мне в классе завидовали, потому что у меня дома был трехтомник «Виконт де Бражелон». От отца еще остался. И так получилось, что все читали и «Мушкетеров» и «Двадцать лет спустя», а третью часть читал только я. А сам я завидовал одному парню, потому что у него был «Айвенго». А другому завидовал за «Семь подземных королей».

– А попросить почитать?– удивился Игорь.– Не?

– «Не», Игорь. Именно «не». И чтобы понять, нужно было жить тогда. В то время раздобыть хорошую книгу – это как выиграть в лотерею. Доставали из-под полы у спекулянтов и очень задорого. Любая художественная книга дома была на вес золота, и родители категорически запрещали давать их кому-то читать. Не дай бог с книгой что-нибудь случится. Потому я и говорю, что сейчас удивительное время. Можно двумя кликами скачать себе целую библиографию.– Петров потрянул головой.– Ну, хорошо. Не суть. Какие же неправильные вещи придумывали взрослые писатели, по-твоему? Не сказочники?

– Честь, например,– был ответ.

– Ты считаешь, честь – это плохо?

– Я не знаю...– Игорь смешался.

– У тебя разве нет чести?

– А зачем?– Парень окончательно растерялся.

И тут Петров понял. Он смог ухватить ускользающую мысль, которая не давала ему покоя. Все эти детские рассуждения о книгах и сказочках – все это поверхностно, как ряска. Где-то там, в глубине омута, Игорь думает о глобально-устойчивых ценностях. О том, о чем общество издревле имеет укорененное представление. О взаимовыручке. О милосердии. Взаимовыручка – хорошо. Выгнал нищего на улицу – из ряда вон плохо, негоже так поступать пацану. Кто с этим поспорит? Неадекват какой-нибудь. Любить – хорошо. Ненавидеть – плохо. Перевести бабушку через дорогу – хорошо. Бросаться тухлыми яйцами с балкона – плохо, достоин ремня. Тонны книг несут в себе эти представления. И это – правильно. Потому что объяснить то, что нельзя потрогать или увидеть, можно только через книги. Книги – залог успешного и здорового общества. И в этом плане не важно, какая это книга – классика или ширпотреб. И в тех, и в других глобально-устойчивые ценности одинаковы.

Вот только сюжет в романе можно уподобить «замкнутой системе». Той самой, которая в физике помогает с доказательством теорем, но которая при взаимодействии с внешними факторами меняет свои показатели. Так и по жизни. Мы меняем свои показатели, меняем их

постоянно. Мы меняем рост, вес, прическу, макияж. Мы меняем поведение, походку, жесты. Мы меняем отношение к людям и событиям. Мы меняем отношение к самим себе. Потому что с возрастом становится понятно, что добро – добром, однако в реальности преобладающее значение имеют контекст, обстоятельства и мотивы. И зачастую мотивы мерзкого трактирщика самые благородные. А нищий, который тебе помог и рассказал слезливую историю, на самом деле сегодня в приподнятом настроении, а завтра своего случайного знакомого он зарежет и съест.

Вдруг за всеми этими невинными наблюдениями Петров начал различать тотальный перекокс всей системы ценностей. Он увидел перед собой пацана, уже достаточно взрослого, почти юношу, который до сих пор не определил для себя, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Из таких вот мальчиков впоследствии вырастают чудовища. Такие вот мальчики приходят в общественные места, увешанные взрывчаткой, и запускают детонатор.

Но ведь этого просто не может быть! Да ладно! Здесь, в их маленьком городе? Этот мальчик? Какое он вообще может иметь отношение к сектам или террористам? Его родители? Ну какой Сергей Мещеряков сектант или террорист? Мама? Мама лучше себе новую сумку купит, чем будет читать какого-нибудь Ошо или Секо Асахару. Представить их, втихаря шепчущих своему богу, просто смешно. Да и не приводят таких детей к психологу, чтобы те ненароком выдали всю подпольную сеть. Нет, странности Игоря – это результат иных внутренних процессов.

Каких? Точно Петров пока остерегался судить, но в одном он уже был убежден: огромный, просто колоссальный пласт вытесненного честолюбия. Однажды, по неведомым пока причинам, Игорь Мещеряков запретил себе выделяться из толпы. Но имея в потенциале неукротимое желание быть первым, лучшим, не таким как все, он направил эту энергию внутрь, на ломку устойчивых ценностей.

– Я просто не понимаю, что такого ценного в этом, – продолжил Игорь, приняв молчание Петрова за немой вопрос. – Был один человек, ему нагрубили. Он сказал: это дело чести. Вызвал того на дуэль и убил. Потом был один картежник. Проиграл в карты и говорит: дело чести отыграться. И пошел отыгрываться, но снова проиграл. Разозлился и того убил. Потом один экстремал. Говорит: дело чести подняться на гору первым. А потом увидел, что у него есть соперник, испугался, что не получится первым подняться, подкараулил того и убил. Еще один жил в каком-то племени, они враждовали с другим племенем. Человек вырос, сказал, что это дело чести, пошел в соседнюю деревню и многих там убил. – Игорь развел руками. – Если люди хотят убивать друг друга, зачем они придумывают себе честь? Для оправдания? Перед кем, перед Богом? Но писатели, которые это пишут, они ведь понимают, что все это отмазки, народ тупо кровожадный. Но при этом восхваляют честь.

– У каждого свое понятие чести, – заторможенно проговорил Петров, разрываясь между диалогом и внутренними выводами.

– Ну вот! – обрадовался Игорь. – Все читают, верят, потом начинается подмена понятий. Чтобы убить, нужно обязательно придумать отмазку. Честь или спасение нации, как Гитлер. Или еще что-то, душевные муки какие-нибудь, а то и религию. Чтобы разрушить нормальную семью, нужно придумать толерантность. И все такое. Самое интересное, что эта подмена понятий не только для того, чтобы оправдать плохое. Хорошее тоже. Говорят: спасибо, что подвез. А он отвечает: мне все равно в ту сторону нужно было. Хотя в ту сторону ему было совсем не нужно. Или говорят: спасибо, что выручил. А он говорит: да ладно, я это делал из корысти, так что не стоит. Но делал не из корысти на самом деле, а потому что нравится человек.

– Если я правильно понимаю, ты уверен, что честь – это вывеска? Ее не существует?

– Да незнай... – Игорь пожал плечами. – Странно просто все, я сам пока не знаю. Мы как-то с папой ехали в машине, нас один тип подрезал. Папа засигналил, тип обиделся, перекрыл нам дорогу, чтобы мы остановились. Тоже дело чести, наверное, было. Потом он вылез из

машины, подошел к нам и что-то там руками размахивал. Я не знаю, отец даже стекло не опустил. Дождался, когда тип выдохнется, и мы дальше поехали. Самое смешное, что папа – бывший боксер. Он бы мог этого водилу на месте размазать. Но он не стал связываться, даже из машины не вышел. И что теперь получается, у него нет чести? Кто-то из бывших спортсменов мог бы ему сказать: у тебя нет чести, ты не постоял за себя, не вышел и не прибил этого чудика. Но ведь это неправда. Папе есть чем гордиться, у него бизнес, семья, он воевал в Чечне.

– Папа читает книги?

– Не читает. Ему проще.

Петров провел мышкой по столу и зажег экран, чтобы посмотреть на время. До конца их сеанса оставалось 10 минут. Самое то, чтобы закончить. Потому что если они не закончат, они могут углубиться в такую чашу, что не закончат и к концу следующего сеанса. Но он не хотел обрывать их встречу на полуслове в самом разгаре и выбрал отвлекающий маневр.

– А что у тебя в школе по литературе, Игорь?

Тот зыркнул на него удивленно, словно моментально раскусил тактику. Потом отвернулся к окну. Даже немного обиделся. Видимо, и правда раскусил.

– Тройка, – буркнул он.

– И почему тройка, как думаешь? Если ты так любишь книги.

– Я не говорил, что люблю книги, – отрезал Игорь, еще больше насупившись. – Я говорил, что люблю читать.

И, видимо, это должно было все объяснить. Вот только ничего это не объясняло – ни часть, ни краюшку.

– Я предлагаю на сегодня закончить. Главного мы сегодня достигли. Мы познакомились и немного открыли себя друг другу. Я полагаю, это хорошее начало. Но время почти вышло, так что продолжим в другой раз.

Игорь подхватил свой серый рюкзачок с пола, выбрался из кресла, закинул рюкзак на плечо и двинулся к двери. Молча. Ни тебе «спасибо», ни «до свидания», ни «в следующий раз по графику?» или что-то в этом роде.

Перед дверью обернулся. В точности как в прошлый раз, когда выходил отсюда с родителями и с синяком. Он и сейчас с синяком, но не столь мракобесным. Видимо, это у него вроде прощания, такое вот молчаливое оглядывание. Видок уже не производит двойственного впечатления, но мистер Хайд никуда не делся. Там он, внутри. Сидит и наблюдает.

Игорь вынул из нагрудного кармана солнцезащитные очки, нацепил их на нос, отвернулся и ушел.

Глава 6. Дома – 1 3/4

Игорь недолюбливал книги, он не соврал. Именно с книг начались его проблемы. В представлении многих понятие «книга» и «чтение» неразделимы, ну а с Игорем – совсем другая песня. Но вряд ли он смог бы подобрать слова, чтобы описать разницу тому же Петрову. Книги подставляли его. Быть может, книги подставляли всякого, в большей или меньшей степени. Игорь ничего не знал о «всяких». Его самого – подставляют, и уже это само по себе зубная боль.

Что касается процесса чтения... Тут он немного слукавил, что он «любит читать». Какая тут любовь, наркоманство одно! Ты садишься за книгу, и за окном – светло. Птички-синички всякие, солнышко, люди гуляют. А через минуту – глядь! – за окном полночь, и город спит. Куда утекла прорва времени? Как? Вроде бы – зачет, книга интересная, но Игорь не находил в этом ничего зачетного. Игоря смущали такие провалы в существовании. Игорь со временем начал приходить к выводу, что раз такая пляска – что-то в существовании непрочно. Какие-то прорехи. Реальность не может быть такой текучей, масса времени не должна просто исчезать из жизни, даже если оправдывать это хорошей книжкой.

Примерно до шести лет он и не думал ни о чем таком. Видел книжку и проходил все больше мимо, косясь. Мимо – это в садик. На детскую площадку возле дома. За какую-нибудь компьютерную игру. За плеер. Родители обзавелись новым компом, а ему вручили свой старенький ноут Toshiba с седьмой «виндой», с корпусом кофейного цвета, который всегда ассоциировался у Игоря с чем-то домашним. Ну как старый... Основные хотелки пацана-шестилетки тот удовлетворял. Для игр канал. Для музыки тоже, особенно если колонки подключить.

Часто Игорь сидел перед окном и слушал музон. Слушал все подряд. Дискотеку 80-х слушал. Майкла Джексона. «Placebo» и «Linkin Park». Эминема. Иногда Боно. Он не думал тогда... Ни о чем. Мысли мельтешили, но без вектора. За окном – родной двор с дугообразной лазалкой на детской площадке, на которой он любил угорать в одиночку. Иногда к нему присоединялись ребята из дома, но редко, и знакомства эти были поверхностными. Сгущались сумерки, зажигались фонари, прохожие становились загадочными тенями, каждый со своей тайной. Они не были еще потенциальными докапывальщиками, эти прохожие. Они еще не получили сигнал из источника, контролирующего сюжет Игоря...

А может, и не было ничего такого? Все это – ложная память, эффект Манделы. Игорь прочитал книгу, в которой герой любил сидеть у окна, и отождествил себя с ним. Кто его знает! Что если наши приятные воспоминания – и не воспоминания вовсе? А просто несбывшиеся мечты?

Чтобы вот так стопроцентно – чтиво не исключалось и ранее. Родители периодически покупали детские книжонки, как надлежит. Больше покупали дед с бабкой, чем родители. Чуковский и Барто, Маршак и Паустовский. Родари. Мама читала ему перед сном. Иногда – отец. Задолго до школы Игорь начал управляться с чтением самостоятельно, на уровне «трех дровосеков». Его экскурсии в мир литературы состояли из одной-двух коротких вылазок в неделю, на большее он не тянул.

Когда началась вся канитель? Игорь не помнил, хоть прострели. Память – не самый его клевый друг, часто – вовсе предатель. Может, в школе сказали. Школа – великий аппарат, где говорят, что нужно делать для счастья. Читать, например. Будешь умным. Станешь богатым. Или сказал «кто-то». По телеку комментатор, друзья родителей, старший пацан во дворе или просто тип поблизости, обращаясь к другому типу поблизости. А Игорь запомнил и внял. И решил попробовать. И часы и дни стали выпадать из его жизни пачками.

Вероника и Сергей Мещеряковы, несмотря на нелицеприятную оценку Петрова, аскетами в плане чтения тоже не были. Папа «не был аскетом» в меньшей степени. Папа, скажем так, стремился к аскетизму. Он говорил:

– Я понимаю – фильм. Все по чесноку. Уместили историю в два часа, чтобы особо не обламывать. Да и двух часов жаль, если кино дрянь оказывается. А тут пишут, пишут... Потом читаешь, читаешь неделями, конца и края не видно. А потом в конце – и нет конца, мать одна. Герой ушел в закат, что называется. Две недели читал, и все зря, никакого удовольствия. Батя мой называл такую хрень «потемкинская деревня». А по-нашему – развод. Главное, воду сначала намутить, типа – дальше будет интереснее. Читайте, граждане. Все и читают, как долдоны, ищут это интересное, только не находят ни фига, а признаться стремно. Читал ведь. И такой – ух какая книжка крутая! А другие – да, крутая! Потом найдутся несколько умников: да дерьмо эта ваша книга, и писатель такой же. И все вдруг в обратку: да, дерьмо! Я помню, у нас в детстве был один... Постоянно книжки читал и сам стишки плел. Полный маразм. Небо, солнце, луна, я, блин, иду одна. Я его «Потемкин» прозвал. Потом подрос и стал криминальные газетки читать, их полно у нас валялось в то время. Ну и быстро перестроился, перестал стишками баловаться, напал на девчонку из соседнего дома и чуть не убил. В натуре «Потемкин» оказался, потом так в тюрьмах и сгнил. Так что правильно Базилио сказал, не доведет тебя книжка до добра. Людям делать нефиг, лучше бы спортом занялись.

«Как я, – кисло думал Игорь. – Станешь «Петрушкой». Не «Потемкин», но тоже ниже плинтуса».

Читать-таки папа умел. Вывески, там. Ценники. Автомобильные журналы. Журналы эти одно время валялись у него по всему салону, пока мама не взъерепенилась. Мама была более продвинутым книгочеем. Благодаря маме у них в доме водились книги, и не только про Лису и Зайца. Читала, что модно. Коэльо читала. Акунина. Мураками. Брауна. Пелевин даже мелькал. Потом все это добро отправлялось в шкаф и беспорядочно пылилось там. Время от времени отдавалось знакомым, с концами.

В общем, путеводителя-архивариуса среди несметных полок мировой литературы у Игоря не было. Поначалу он читал с экрана ноутбука онлайн, выбирая книги по комментариям. Потом родители подметили, прониклись и купили ему букридер, а сам Игорь освоил торренты.

И голова пошла кругом! Объемы существующей в мире литературы потрясали. Как будто книги писал каждый второй человек на земле. Игорь не верил в каждого второго. Он подумал о хитроумной машине. Испокон веков эта машина стоит в пещерах Тибета и, шелкая тумблерами, ежедневно выдает упаковку новых книжек. Под разным авторством. В такую машину было поверить проще, чем в человека, библиография которого исчисляется десятками томов. Игорь сочинение к школе на две страницы писал три недели. В его понимании книга – это труд, длиною в жизнь.

По мере того, как Игорь все больше и больше погружался в сюжетные хитросплетения, познавал миры Стивенсона, Лондона, Уэллса, Бредбери, Гайдара, Кинга, Гаррисона, Железные, Лукьяненко и так далее бесконечно, стали активироваться докапывальщики. Не то чтобы так сразу. Это же очень тонкая стратегия, с плакатами они к его окнам не рвались, и потребовалось время, прежде чем Игорь скумекал, откуда сифонит. У него стало часто портиться настроение, и он не брал в толк, с какого перепугу. Солнце вроде светит, школа стоит на месте, дзюдо ждет, чтобы сделать из него супергероя-марио... Все как всегда. С чего хандра – непонятно. После сорока лет такая дивергенция – норма. Похандрил денек-другой, и вперед, горбатиться на дядю. Но когда тебе 6-7 лет, то каждый омраченный час – это океан горести и муки. Он стал приглядываться окрест. В перерывах между книгами.

Он выходил из дома, и докапывальщики тут как тут, и не сотрешь. Стоило ему стать на автобусную остановку, тут же спешил один. Не важно, что остановка почти пуста, и куча свободного пространства; тип пристраивался вплотную, как в очереди к банкомату, словно он замерз по пути на остановку и срочно хотел о кого-нибудь согреться. И начинал согреваться, толкаясь, тесня, торкаясь без причины, случайно наступая на ногу, совершая различные бессвязные телодвижения поблизости. Общая цель этой педерастии – задеть Игоря. Вот только

Игорь не усматривал здесь педобирный подтекст. Чувак даже не понимал, что он делает. Как заводная машинка.

Игорь нырнул в автобус, докапывальщик – следом. Игорь сразу выбирал себе дальний угол. Тип с остановки вроде унимался, но, как оказывалось, – показательно. Это был отвлекающий маневр. С каждой остановкой тот подбирался все ближе и ближе под предлогом того, что ему нужно уступить кому-то место и поменять точку собственной дислокации. Только менял он ее непременно в сторону Игоря. И вот через две-три остановки он тут как тут. Торкается, теснит, заваливается при каждом повороте, роется в своем рюкзаке, тыкая локтем, для понта достает свою мобилу, чтобы выглядеть еще более непричастным.

Игорь прогуливался, потом выбирал себе скамейку, чтобы элементарно посидеть и насладиться летним днем; издали спешил очередной. Спешил лихорадочно, как голубь на свежесмытый автомобиль, будто у них, у докапывальщиков, тоже своя конкуренция. Вокруг куча свободных скамеек, но мы-то уже знаем! Нужна именно та, на которой сидит Игорь. Что-то есть именно в этой скамейке... или в нем самом.

Если бы тип просто усаживался рядом и мурчал себе, глядя на солнышко, это полбеды. Но тот не просто усаживался и вовсе не мурчал, так что полный капец. Немедленно извлекался телефон, и докапывальщик начинал барабанить по ушам, рассказывая кому-то в трубке, как он менял вчера колеса или какой дрянной его жена варит плов. Прогрессивные же докапывальщики гнушались такими полумерами и разворачивали настоящий фронт. Вместо телефона они притискивались к самому Игорю и принимались доверительно радовать его своими швейковскими похождениями. Игорь, будучи воспитанным мальчиком, а также опасаясь реакции докапывальщика (помним Лесного Орла), продолжал сидеть, как древень, вместо того чтобы сразу встать и уйти. Таким образом ему приходилось натужно лыбиться и слушать о том, как докапывальщик вчера попал под ливень и весь промок, как он вырывал на прошлой неделе свой проклятый зуб, как он звонил наемни в пенсионный фонд и скандалил, как он в детстве жил на этой улице и с друзьями гонял на великах.

Позже, научившись лавировать, Игорь покидал скамейку заранее. Стоило ему завидеть вдали докапывальщика, настроившего свой проклятый перископ на его скамейку, Игорь соскальзывал и линял.

Он проходил мимо стоящей машины с водителем внутри, и машина стояла, и водитель бездействовал – курил там, или шурился. Ровно до того момента, как Игорь поравняется с тачкой. Немедленно, как по сигналу, окурок отбрасывался, мотор заводился, машина, рыча, рывком бросалась вперед, стимулируя Игоря к испуганному прыжку. Тетка, шагая навстречу и завидев его, перевешивает свою сумку с дальней руки на ближнюю, чтобы садануть этой самой сумкой Игоря как следует, проходя мимо. Про зонтики – уже было сказано, те еще охотники за глазами яблоками. Очень быстро Игорь научился замедлять шаги перед поворотами вплоть до полной остановки. Потому что там, за углом, ему навстречу непременно летит торопыга килограмм под сто пятьдесят весом либо вообще велосипедист или скейтер. К жилым домам он старался не приближаться. Бухарик сверху или рыгнет, или бросит на голову окурок, или плюнет, или сбросит помойный мешок. Все эти средства поражения непременно угодят в цель. Потому что бросает не бухарик, бухарик даже не смотрит вниз. Бросает тот, кто включает кнопку.

Поразительно, но сигнал получали не только люди. Звери тоже. Собаки. Голуби. Все они так или иначе, завидев Игоря, сразу рисовали в воображении картину кусания либо испражнения на голову. А потом рвались претворять в жизнь. Так что этот контингент Игорь тоже старался обходить стороной.

Поначалу имея характер единичных всплесков или недоразумений, такие случаи очень быстро превратились в одну сплошную, широкомасштабную акцию. Даже если бы Игорь имел наблюдательность сонной мухи, он бы не мог не заметить эту стену, потому как буквально

врубился в нее головой. А уж наблюдательности Игорю было не занимать. Они не случайны, эти случайности. Докапывальщики не случайны. Их слишком много, чтобы они могли претендовать на случайных.

Вскоре возник Алик-Фонарик, и Игорь понял, что докапывальщики выходят на новый уровень.

В целом хлопот на физре у него не возникало. Будучи знатным сачком на тренировках в дзюдо, Игорь так или иначе двигался и физически развивался. По подтягиваниям в классе он вообще был вторым (первым – Леха Воробьев). Прыгал в длину средне. По канату взбирался до середины, как и большинство одноклассников. В футбол гонял в защите. Все менялось, когда физрук вынимал секундомер и, издевательски помахивая, объявлял кросс. Сделав сотку, Игорь начинал задыхаться, как задохлик. Пробежав тысячу, отчаянно искал столб или дерево. Больше километра Игорь не мог, хоть расстреляйте.

Физрук, как и все окрест, был обеспокоен будущим Игоря очень-весьма. Приближался к нему, помахивая секундомером, смотрел с сожалением как на гниду.

– Дыхалка у тебя слабая, чего ж ты хочешь? – объявлял он вердикт. – Бегаешь, небось, на уроках только? Ну а чего ж ты хочешь? Чаше бегать надо, как думаешь жить дальше с такой дыхалкой? В армию как пойдешь? Там на тебя амуницию навесят и вперед, десять километров. По пересеченной местности. А с такой дыхалкой, чего ж ты хочешь?

Да ничего я не хочу, дебил с хронометром, зло думал Игорь, отдуваясь и фыркая. Хочу, чтобы ты отвял. Но тот не отставал, и Игорь совету внял. Он решил заняться дыхалкой вплотную. Дыхалка слабая просто, чего ж он хочет? Надо тренировать, будет сильной. Привет Иреку Римовичу. Школьная спортплощадка подходила для этой цели как нельзя лучше, да и живет Игорь рядом. Только в будни Игорь не отваживался там тренироваться, знал уже правду жизни. Кто-то полюбас докопается. Лучше в выходные. Предельно ранний час, чтобы не искушать судьбу. Вот только он явно недооценил противника. Лучше бы он вокруг дома бегал или вообще в своей комнате.

Первый выходной Игорь отбегал без эксцессов. Даже понравилось. Он истощенно выдержал свою пороговую «тысячу», потом свалился навзничь, и вскоре потопал домой, выжатый, но радостный. Главное же не сдаваться. Это Ирек Римович говорил. На вторые выхи нарисовался Алик-Фонарик.

Звали его, конечно же, не Алик, а как звали – Богу ведомо. Но обозначить его было нужно, а так как Алик происходил из древнего и прославленного рода алконавтов, то и нарекался «Аликом». Сверкал Алик проблесковым маячком под глазом – примерно таким, каким Игорь будет отсвечивать в кабинете Петрова. Тут вам и погоняло – Фонарик. Возник этот пень на беговой дорожке в сей радостный утренний час, словно неведомый городской на посту. Еще бы жезл в руку.

Уже с расстояния Алик-Фонарик начал свое утреннее омовение: взялся жестикулировать и шевелить губами. Игорь замедлил бег, тяжело дыша. Он остановился поодаль от новоиспеченного коллеги по утренней зарядке, опасаясь подходить ближе. Видок у того был тот еще воинственный.

Стоял поздний апрель. Земля по утрам уже перестала индеветь, но все же было изрядно холодно. Алик-Фонарик явился на randevu в черных плотных трико и синей несвежей футболке поверх костлявого торса. В утренних сумерках художильный Алик выглядел в своей футболке как зомбак.

– А?– переспросил Игорь, догадавшись, что утренняя молитва Алика адресовалась именно ему.

– Брата-а-ан!– затянул Аликан гундосо. Игорь в первую секунду подумал, что тот хочет ему спеть. Гимн бегунов, к примеру. Или про утреннюю гимнастику. – А есть время? Время скок щас?

Волной дохнуло перегаром, Игорь аж покачнулся, несмотря на расстояние. Он полез в карман своих спортивных штанов за телефоном, попутно формируя в голове рецензию на новый сюжетный поворот. Итак, мы имеем воскресенье, около семи утра. Ни с какой стороны не проспект мира, не пятачок перед ночником, а самый что ни на есть школьный двор выходного дня. Можно палить из ружей, гонять зайцев или ходить гольшом. Вероятность встретить второго такого обалдую равна нулю. Но вот, пожалуйста, любуйтесь – встретился. Еще и докопаться горазд. Все как обычно. И о каких случайностях вообще может идти речь? Случайно – это пара тычков от прохожих в парадной толпе или в макдаке. Здесь уже веет фатальностью.

Игорь вынул телефон. Попутно он начал стремительно пугаться, особенно бросив взгляд окрест и полюбовавшись знатным безлюдьем, даже безкошатьем. Но за мобилу не боялся. Дешевая звонилка Нокia, предмет насмешек в школе. Отец давно купил Игорю смарт, но в школу его Игорь не брал, вообще никуда не носил. Равно как не выносил из дома букридер, чтобы позалипать в парке. Другие выносили, а он – нет. Потому что на других не охотились гвардейцы кардинала, а на Игоря охотились. Первыми же, как известно, страдают всегда личные вещи.

– Без пяти семь, – сухо бросил Игорь, взглянув на табло мобильного.

Алик-Фонарик разочарованно проследил, как Игорь вновь убирает телефон в карман. Будь у Игоря смарт, выглядел бы Алик не столь удрученно.

– Брата-а-ан! – затянул тот второй куплет своей мантры. – А есть полтинник?

Игорь даже разозлился, несмотря на страх. Разумеется, есть! Куда он без полтинника в такой сезон? На телефон денег кинуть, если что. Или яблок прикупить.

– Нет полтинника, – признался Игорь, стараясь казаться максимально виноватым, чтобы не получить с ходу в бубен. Потом для верности добавил: – Бегаю тут.

Аликъери оглядел школьный двор, проверяя слова Игоря на прочность. Потом сделал шаг и протянул руку, словно предлагал пообниматься.

– Слышь, братан, иди сюда. Давай побазарим по-братски.

Игорь попятился. Алик сделал еще один шаг навстречу, и Игорь снова попятился. Со стороны это напоминало парные танцы, или какую-то синхронную пантомиму. Потом Алик вдруг удивился происходящему.

– Ты че, братан? Ты че, бегать от меня будешь? Че как ссыкло? Иди сюда, грю, побазарим просто. Че как пидор-то? Ты пидор чтоли?

Игорь молчал. Только помотал головой в том смысле, что идея братских обнимашек его не прельщает.

– Слышь, ты чо? – изумился Алик-Фонарик. Его фонарик налился благородным негодованием. – Иди сюда, грю, побазарим. Че ты, не понял? Че ты, побегать хочешь? Че, бегун, бля?

«Убью тебя, понял? Под машину толкну, понял? Кирпич с крыши сброшу, понял? Че ты, понял?»

Игорь уже стоял наизготове вполоборота к Алику, когда тот рванулся вперед и попытался схватить его за руку. Игорь пискнул и ринулся прочь. Он не думал, куда ему надлежит бежать, просто машинально втопил вдоль беговой дорожки. Отмахав метров пятьдесят, он бросил взгляд назад.

Его новый друбан, как выяснилось, резко сменил приоритеты. Замедлил бег и вовсе остановился. Остановился и Игорь. Развернулся к Алику, наблюдая за его потугами. Теперь расстояние между ними было безопасным, но в утренней тишине все звуки отлично прослушивались.

– Ты чо, опух?! – возмутился бегун №2 Фонарик. – Че ты бегаешь тут, как сука? Я че, бегать за тобой должен? Сюда иди!

Игорь помотал головой, отстаивая позицию.

– Сука! – рассердился Фонаридзе и вновь рванул в его сторону.

Игорь развернулся и побежал.

Он старался придерживаться беговой дорожки. Зачем? Он и сам толком не знал. Потому что бежать по прорезиненному покрытию было удобнее. Потому что он не хотел убегать в сторону дома, чтобы у Аликаныча не возникло даже подозрения на то, в какой стороне его дом. Потому что хотел хоть чем-то отомстить докапывальщикам в лице Алика-Фонарика.

Так они и носились по кругу, как два покемона. Впереди – Игорь, позади – не столь спортивный, трясущийся с похмелья, злой Аликофрен. В очередной раз обернувшись, Игорь обнаружил Алика, согнувшегося пополам и упершего руки в колени. Он остановился и принял выжидательную позу. «Дыхалка просто слабая, чего ж ты хочешь? – подумал он и чуть не заржал. – Совсем, небось, не бегаешь, как думаешь жить дальше? Бегать надо чаще, чего ж ты хочешь?»

Где-то каркнула ворона. Прозвучала трель мобильного – вдалеке, за пределами школьного двора. Аликаныч никак не отреагировал на звук – скорее всего, он просто его не услышал. Игорь не поддался искушению посмотреть в ту сторону, где звонил телефон, чтобы проверить, не спешит ли кто-нибудь на помощь. Иллюзии – это то, с чем Игорь давно распрощался.

Наконец, Алик отдышался, выпрямился и с ненавистью уставился на Игоря. Сердце Игоря екнуло, и ему в момент расхотелось веселиться. Он явно разозлил этого типа не на шутку. Алик пялился на него, шевелил губами, что-то бормотал себе под нос. Потом вдруг рванулся стремглав.

Чуть не обоссавшись, Игорь ринулся прочь. Сейчас было по-другому. Скорость говнаря превысила все прежние достижения. Игорь несколько раз в панике обернулся: тип следовал по пятам. Теперь Алик бежал в полном молчании, стиснув зубы, зло высвечивая путь фингалом. При этом он загребал длинными худыми руками и от этого еще больше походил на зомбака.

Алик стал выдыхаться на втором круге. Бег замедлился, ноги заплелись, челюсть отвисла на грудь. Замаячила реальная перспектива инсульта. Понимая, что проиграл и этот тур, Алик попытался возобновить свой бубнеж «про Игоря», но не нашел для этого достаточно воздуха. Они вновь остановились на расстоянии друг от друга.

Игорь видел, как ходят ходуном ребра докапывальщика под тонкой футболкой. Как тот пытается тщетно ухватить глоток лишнего воздуха. Как цвет его лица меняется с бордового на бледно-серый. Как тот попеременно зажимает то одну ноздрю, то другую, выстреливая струей сопли на прорезиненное покрытие. Сам же Игорь вдруг обнаружил, что даже не запыхался. Учись, физрук, как надо правильно тренировать салаг! Вот где настоящий тренер, Алик-Фонарик, перворазрядник. Иреку Римовичу, кстати, опять привет.

Он вдруг спросил себя: а чего этот Аликан бежит по кругу? Почему он не попытается срезать, перебежать через футбольное поле и достать Игоря наперерез? Вряд ли у него бы это получилось, но хотя бы попытаться стоило!

Аликан выпрямился, осененный. Показал Игорю кулак, матюгнулся в его сторону и... Игорь не поверил своим глазам! Алик словно прочитал его мысли и потрусил к середине футбольного поля. Игорь восхищенно дивился на это маппет-шоу. Достигнув центра, Аликардидзе остановился и победно взглянул на Игоря.

«Бог ты мой, – покачал головой Игорь. – Он просто debil. Он походу реально думает, что я и дальше буду бегать по кругу».

Оставив говнаря недоумевать посреди поля, Игорь набрал скорость и взял курс в сторону дома. Он преодолел весь путь в один бросок и бегом взлетел по лестнице на седьмой этаж, не вызывая лифт. По пути он для верности несколько раз оглянулся, но он и так знал, что увидит. Ничего не увидит. Нет Алика-Фонарика, выдохся тот на сегодня.

Дома Игорь принял душ и тихо скользнул в свою комнату, стараясь не будить родителей в выходной. Им же не нужно тренировать дыхалку, они спят. Да и ему не стоит больше выпендриваться. Нафиг такие тренировки по утрам, целее будет. Проживет и без дыхалки. Он еще

раз из окна оглядел окрестности и, не обнаружив ничего подозрительного, засел за очередную книгу.

Он повстречал его как-то летом. Алика-Фонарика. Они с отцом ходили в строительный магазин, а когда возвращались, то на скамейке у одного из подъездов застали Аликана, заседающего в полном одиночестве. Говнарь недобро поглядывал на прохожих, думая свою недобрую думу. Был он одет в черные плотные трико и синюю неопрятную футболку поверх торчащих костей. И хотя отличительный знак под глазом уже отсутствовал, Игорь его мгновенно узнал.

А хмырь не узнал Игоря вовсе. Скользнул взглядом один раз и отвернулся.

Широкоформатная кампания по дестабилизации Игоря продолжилась после Алика в том же духе, как это было и до Алика. Разница – в восприятии. После Алика Игорь перестал воспринимать докапывальщиков лишь как недоразумение или неприятность. Теперь он точно знал, что любой из них может кинуться на него с ножом. И не потребуется предлога в виде мобилы или полтинника. Так случается в жизни, мало что ли таких историй? Люди убивают и потом сокрушаются, как же так случилось, не хотел ведь совсем. Алик превратил жизнь Игоря из несносной, но относительно безопасной, в несносную и угрожающую.

Он выходит из подъезда, а во дворе – компания, и разговоры вдруг затихают, и те пялятся на него, молча и выжидающе. Он проходит мимо теплого колодца, где лежат и греются собаки, и те реагируют именно на него – скидывают морды и пялятся, безмолвно и выжидающе. Он идет по свободному тротуару, но максимально прижавшись к правой бровке, и докапывальщик, завидев его издали, тут же перестраивается и прет напролом, пялясь тупо и выжидающе. Он стоит в очереди на кассу, и докапывальщик пристраивается сзади и начинает монотонно торкать тележкой по ноге, а когда Игорь оборачивается, тарашится нагло и выжидающе. Он бежит в общей колонне по кругу, разогреваясь перед тренировкой, и тип, бегущий сзади, постоянно норовит наступить на пятку, а когда Игорь оборачивается, лупится ехидно и выжидающе.

И делают они это не потому, что в их среде так принято, или у них с Игорем конфликт интересов. Они это делают, сами не зная, почему. Они делают это, подчиняясь внутренним указаниям. Это называют в мире психологии установками и сценарием. Но кто-то же эти сценарии *пишет*. Какой-то, мать его, *нейсатель*.

И что же пролегает красной нитью между миром без докапывальщиков и миром с оными? Верно. Игорь начал читать.

Глава 7. В школе – 1.

Систему он не догнал изначально, и система ответила ему своим тотальным презрением.

В первый же день учебы Игорь начал смутно подозревать, что родители что-то упустили в его достойном воспитании. Все другие шкеты, его одноклассники на ближайшие 11 лет, казалось, прошли «Курс молодого школьника». Они с легкостью ориентировались в коридорах, знали, в каком направлении спортзал, где искать местную кормежку, где сокровищница знаний – учительская. Даже рассаживались по партам с осознанным видом, словно по предварительной броне. В общем, чувствовали себя своими в доску. Игорь своим себя не чувствовал и жестоко тупил.

Потом он пообвык и немного расслабился. Все-таки школа – это замкнутое пространство, а самое главное – ограниченное число докапывальщиков. Их можно изучить и приспособиться. Дима Шиляев, рыжий веснушчатый паренек, был докапывальщиком №1. С ходу умудрился довести до слез Лену Козленко с первой парты, после чего Диму пересадили от Лены подальше. В конце уроков Дима сцепился с Лехой Воробьевым, и Леха тому навалаял, и с тех пор эти двое старались умело друг друга избегать. Тактика Димона Шиляева ака докапывальщика была настолько примитивной, что Игорь вывел для себя единственное правило: главное, не оставлять Шиляева за спиной. Даже если ничего толкового не придет в голову, он просто пнет сзади и будет ржать, чисто конь. Для себя Игорь обозначил Димона «Кореянином», и этнические корни тут не при чем, а всего лишь цвет волос Димона, напомнивших Игорю съеденную на прошлой неделе морковь по-корейски. Мало того, Игорь умудрился еще и ляпнуть это при ком-то, и погоняло подхватило ветром и рассеяло по всему классу как волшебные семена Урфина Джюса. С того дня все называли Димона за глаза «Кореянином», а некоторые – прямо в глаза, от чего тот начинал становиться вишней.

Леху же Воробьева – одного из тех, кто не гнушался звать Шиляева «Кореянином» в лицо, – Игорь поначалу тоже записал в гильдию потенциально опасных типов. Леха восседал за самой последней партой и швырял оттуда комментариями, шуточками и замечаниями. Впоследствии Игорь понял, что Леха – скорее тролль, чем докапывальщик. Тоже в принципе докапывальщик, но со своим кодексом. Как-то так. Главное, вычислить ключевые положения этого кодекса и не преступать их в присутствии Лехи, а то может и навалаять, как Кореянцу Шиляеву. Драться, судя по всему, Леха умел и любил. Но сам первым никогда не лез. И не строил подляны, чтобы спровоцировать. Леху Игорь прозвал просто Лехой.

Гоша Кухтеев, словоохотливый и улыбчивый мальчуган, был докапывальщиком с приветом. И с оттенком. Если Кореянина по-морковному нежелательно было иметь с тыла, то Кухтеев становился опасен в анфас. Любил неожиданно хватать мальчиков за яйца и угорать с этого. Девочек не трогал. Может, трогал когда-то, до школы еще, но получил звездюлей и сменил ориентацию. Здесь ему тоже не дали разгуляться, очень скоро растолковали, чем грозят такие замашки. Гоша стал улыбаться значительно меньше, однако за все время учебы он нет-нет норовил в запале или во время игры пощупать пацанские причинные места. Игорь прозвал его «Элтонджон».

Марат Ишмуратов, черненький и долговязый тип, оказался махровой истеричкой. На второй день школьных занятий где-то посеял ручку и развопился на весь класс, обращая ко всем и ни к кому конкретно, требуя вернуть ему собственность. Класс подивился на него в течение некоторого времени и занялся насущными делами. Леха Воробьев заметил с галерки «Марат-Ишмурат-Зиккурат», что бы это ни значило. Лена Козленко молча сунула Марату свою запасную ручку, чтобы тот не выл. Тот и не выл больше, насупился и весь день сидел обиженный, яростно строча одолженной ручкой. Назавтра Лена возмущалась, что ручку Марат так и

не отдал. Он мог распахнуться на пустом месте и не поддавался прогнозированию, от чего Игорь заключил, что общение с ним следует поделить на ноль. Для себя он прозвал его «Ревун».

Из девочек ему запомнилась прежде всего Лена Козленко и Алиса Болотникова. Лена Козленко сидела за первой партой и сразу же после звонка начала усиленно тянуть руку, стремясь поделиться накопленными на подготовительных занятиях знаниями. От постоянной тянучки правой рукой, или по иным причинам, у Лены уже к третьему классу стал развиваться сколиоз, и ей прописали корсет. Меньше тянуть руку она не стала, но делала это уже не столь исступленно. Лена была опрятной и правильной. Очень любила жрать, словно дома ее морили. Однажды Игорь видел, как та заглатывает на перемене бутерброд – чуть ли не целиком в рот пихала, при этом виновато озиралась, как бы прося прощения за проявление такого некошерного чувства, как голод. За это Игорь прозвал Лену «Саранчой».

Алиса Болотникова уже в первый день начала травить байки про Испанию. Видимо, в Испании была, решил для себя Игорь.

Кто-то: Блин, опять дождь с утра, погода дурацкая уже неделю!

Алиса Болотникова: А вот в Испании всегда прекрасная погода!

Кто-то: Ногу натер. Вчера с матушкой по магазинам ходили, дурацкий кроссовок!

Алиса Болотникова: А вот в Испании прекрасная обувь продается. Износу нет. И ногам комфортно.

Кто-то: Вчера брат старший с армии фоток прислал. У меня на телефоне, хотите позирить?

Алиса Болотникова: А мы фото из Испании на конкурс отправили, и третье место заняли!

Все понятно. Для себя Игорь прозвал Алису «Хуанита». Ну, чтобы не зазнавалась особо со своей Испанией.

В первом классе Игорь еще воспринимал себя таким, какой он есть. Учителя *не воспринимали* его таким, какой он есть. Учителя подметили, что Игорь нуждается в корректировке, иначе не видать ему счастья в жизни как своих ушей. Учителя призвали в помощники родителей.

Училка: Игорь неглупый мальчик, но вот внимание!.. Его хватает максимум на пять минут. Игорь, сосредоточься, – говорю. И – да, он смотрит на доску, слушает. Видно, что старается. А через пять минут – уже смотрит на стены или в окно. И взгляд отсутствующий. Приходится опять его дергать.

Видимо, училка не читала книги. Иначе она бы знала это состояние «отсутствия» и не паниковала попусту.

Дома проходил локальный разбор полетов.

Мама: Игорь, тебе трудно сосредоточиться? Почему другим детям не трудно? Ни про кого больше так не говорят, только про тебя. Что не так?

Папа: Ну может, он особенный. Или, как это говорится, – с особенностями.

Мама: С особенностями у нас бабка сверху и твой дружок Раджив Ганди. Мы сейчас говорим об элементарном усердии. Где-то оно есть, где-то нет. Читать он научился, причем почти сам, часами читает.

Папа: Ну ты сравнила хрен с редькой. Это же кайф. А школа – не кайф. Я тоже школу не любил, это не катастрофа.

Мама: Я не говорю, что ее нужно *любить*. Она что, дорогой родственник? Школу по определению нельзя любить. Ее нужно использовать. Ты учился в девяностые, тогда не до школы было, и ценности другие. А сегодня образование – это все. Игорь, ты это понимаешь?

Игорь: Угу.

Мама: Сейчас нужно что-то кроме «угу». Как себя поставишь вначале, так оно и пойдет. Первые месяцы – самые решающие. Не только в школе, а везде. На работе, во дворе, в новой компании, в спорте. Везде. В первые месяцы ты создаешь себе образ. И будешь потом видеть не

тебя, а твой образ. Люди не видят тебя. Люди видят то, каким ты зацепился за их подкорку. Если ты зарекомендовал себя трутнем, тебя будут видеть трутнем. Оно тебе надо?

Игорь прилагал титанические усилия «не быть трутнем» и «зарекомендовать себя», но тщетно. Это было сильнее него. В дневнике Игоря начали появляться первые тройки. И первый класс Игорь закончил с тройками – мама оказалась провидицей.

Партнером по парте Игорю достался мутный тип по имени Роман Гунько. Первое время Игорь, следуя общественным правилам, честно пытался установить контакт, но быстро сдался. Гунько оказался ему не по чину. Гунько знал *тайны*.

Звонок на перемену, Ромка быстро собирается и куда-то уматывает с загадочным видом.

Игорь: Куда идешь?

Роман: Не важно. Секрет.

Игорь: Что за секрет?

Роман: Секрет такой.

Игорь: Ну честно! Интересно же. Я никому не скажу.

Роман: Жарапанэ.

Игорь: Чего? Обедать, что ли?

Роман: Не угадал.

Игорь: А чего это – жрапанэ?

Роман: Это по-украински. Ты не поймешь.

Так объясни, че как дебил, мог бы сказать Игорь, но не сказал. Пусть валит. Дома Игорь посмотрел в словаре на Яндексe, что за жрапанэ такое. На украинском языке такого слова не было. Возможно, это какой-то местный жаргон... Странный Гунько!

Игорь идет домой со школы, глядь – впереди маячит таинственная спина его соседа по парте. Игорь, еще не наученный опытом, догоняет.

Игорь: Ромка, ты тоже в той стороне живешь?

Роман: Нет. Я в другой.

Игорь: Понятно. А куда идешь?

Роман: Это секрет.

Игорь: Что за секрет такой? Расскажи.

Роман: На морданку.

Игорь: А чего это – морданка?

Роман: Это по-венгерски. Ты не поймешь.

В общем, Роман Гунько знал тайны. Не сложилась дружба. Игорь-то не знал! Так они и сидели рядом на уроках, как две разведенки от одного мужа. Игорь для себя прозвал Романа «Карыч». По аналогии со всезнайкой Кар-Карычем из «Смешариков».

Точные науки в школе разили наповал. Поначалу было приемлемо – когда арифметика подкреплялась наглядными примерами, иногда даже дураковатыми картинками. Ну там, у Васи 4 яблока, он съел одно, сколько осталось? Никаких проблем с тем, чтобы представить Васю, пожирающего яблоко и крысившего за спиной оставшиеся три. Или же: поезд идет на скорости 80 км/ч, через какое время он прибудет из Москвы в Бологое? Легкотня. С появлением в жизни Икса и Игрека ситуация усугубилась. Математика становилась абстрактной и оторванной от жизни. Квадратный корень ставил в тупик. На кой он сдался? Ни разу в жизни ему не пришлось использовать квадратный корень. И люди вокруг, включая родителей, тоже не сказать чтобы были вооружены этими корнями и пускали их в ход надо – не надо.

Так-то Игоря особо не допекали, со временем притерпелся. Учителя как заведенные ставили ему тройки. Любые попытки с его стороны переломить ситуацию наталкивались на неприкрытый отпор. Некоторые попытки подавлялись. Пару раз учителя объяснили Игорю, что негоже ему рыпаться, пусть довольствуется тем, что есть.

Одноклассники... Скажем так, Игорь Мещеряков обладал полноценным набором качеств, чтобы стать местным чмошником. Но чмошником он не стал, спасибо дзюдо хоть за эту мелочь. Нет, он не расшвыривал ребят через бедро напраполю, он вообще избегал конфликтов, а спортивной секцией не гордился, а скорее стыдился. Но на тренировки-то ходил, и в школе об этом знали! А главное: периодически Игорь сверкал синяками после очередного приступа лунатизма. Про лунатизм народ не знал, а про синяки – знал. Иногда синяки обнаруживались в скрытых местах, когда Игорь переодевался на физкультуре. Учителя в отмазки про секцию верили. Ученики – напрочь нет. Только к правде они не подступили, мерили своими пацанскими мерками. Игорь – мутный. Не Карыч, как Гунько, но стремится к этому, недаром их двоих объединили за одной партией. Кто его знает, этого Игоря, куда он ныряет после уроков и в каких делишках участвует? Может, для понта типа в дзюдо, а на самом деле бьется на ринге за деньги? Судя по его виду – сомнительно весьма, разве что в качестве разносчика напитков. Ну а вдруг? На всякий случай – ну его, пусть ходит себе.

Он оставался долгое время темной лошадкой, а Крылов сделал из него черную дыру.

По Крылову писали сочинение. Игорь стихи не особо жаловал. Басни тем более. Он написал в сочинении о том, что произведения Крылова ему не понравились. Он нашел их половинчатыми и незаконченными. Смысла не нашел. Морали, о которой учитель столько трындел, тоже ноль с хвостиком. Исключение разве что «Кукушка и Петух». И сдал тетрадь. На проверку.

На следующем уроке под его сочинением красовался вполне заслуженный «кол».

А ниже:

УЖАСНО!

А ниже:

ПОЗВОНИТЬ РОДИТЕЛЯМ!

Дома состоялся очередной разбор полетов.

Мама: Игорь, ты что, не знаешь, что такое басни?

Папа: Даже я знаю. У нас в армии был один баснописец...

Мама: Про армию сейчас как нельзя кстати.

Папа: Да я не в этом смысле. Я просто разрядить.

Мама: Лучше не разряжать. Армия уже сейчас светит, Игорь, если ты не возьмешься за ум. Ты не знаешь, что такое басни?

Игорь: Ну...

Мама: Опять «ну». Игорь, соберись! Что вы там проходили, «Квартет»? Смотри. Собрались осел, козел, медведь, кто там еще?

Игорь: Мартышка.

Папа: Проказница.

Мама: Очень смешно. Два шутника в доме, это очень здорово. Ладно, стали играть квартет, ничего у них не получалось. Какой нужно сделать вывод?

Игорь: Нужно репетировать! Стараться! Потом получится. Сейчас над ними смеются, но потом перестанут, когда начнет получаться. Над Леди Гагой тоже сначала смеялись, и где теперь эти шутники? Крылов не понимает. Зачем пишет?

Мама: Игорь, совсем нет! Тебе же Соловей в конце говорит, какой вывод. Нельзя играть, если нет умения. Талант нужен, понимаешь? У Леди Гаги есть талант, а у квартета – нет его. Они думают, что нужно сесть правильно, и выглядят глупо. Как они не садятся, у них ничего не получается, потому что таланта от этого не прибавится. Автор высмеивает их за это. Понимаешь теперь?

Игорь: Угу.

Но он не понимал. Он любил читать биографии знаменитых людей – писателей, музыкантов, актеров. И часто он сталкивался с таким фактом, что общество поначалу их отвергало.

Говорили, таланта нет. Говорили, умения нет. Говорили, что такое никто не станет читать или слушать. Говорили, что их творчество ущербно и никому не нужно. Говорили много чего еще, похлеще Соловья. Но люди продолжали упорствовать, продолжали совершенствоваться, даже если на это уходили годы. И в один прекрасный день смеяться над ними переставали.

Игорь не понимал. В дзюдо постоянно существовали поставки свежего народонаселения. Сколько убыло, столько прибыло. Желающих освоить непростое искусство дзюдо всегда хватало, что Игоря, мягко говоря, удивляло. Многие новички прибывали примерно таким же макаром, как сам Игорь: из-под палки. Иногда на горизонте возникали такие хлюпики, что даже Игорь-Петрушка мог приосаниться. У них не было таланта, у них не было умения, у них не просто не получалось, у них *сильно* не получалось. Но это никак не мешало тем из них, кто не сдавался и продолжал тренировки, через пару месяцев набрать вес, силу и уверенность.

Однако всегда находилась пара-тройка прощелыг, которые угорали в сторонке и тыкали пальцами. Наверное, тоже шушукались промеж себя, что умения нет. Остальные не любили их за это крысятничество, и те всегда держались кучкой для уверенности. И каждый раз угорали. Баснописцы хреновы.

Получается, что если над неумехами смеются в жизни, то эти насмешники – нехорошие ребята, их в утиль. А если смеются на странице книги, да еще и в рифму, они – классики, их – в Википедию? Игорь начал понимать, что у докапывальщиков тоже существует своя иерархия, своя элита. Есть писатели – их много, – которые суть докапывальщики высшей масти. Они не толкают тебя в очереди, они не лезут на твою скамейку, они не наступают тебе на ногу в автобусе. Они создают героев. Как Соловей. Этот пернатый крендель вместо того, чтобы поддержать квартет, посоветовать, настроить на долгие репетиции, просто смеется. И этим убивает на корню любое начинание. Он, Соловушка, чувствует себя неизмеримо выше только потому, что он родился соловьем и умеет петь. Он не тренировался даже, ему все досталось на халяву.

Игорь сказал: понимаю. Что-то он действительно начинал понимать. Явно не то, на что мама рассчитывала.

Мама: Что еще у нас? Мартышка и очки? И здесь своя мораль. Очки – это как символ ученого человека. У людей такие ассоциации – если в очках, значит, много читает. Значит, умный. А мартышка – глупая. Она где-то увидела человека в очках и теперь сама пытается нацепить очки и выглядеть умно. Но от этого умными не становятся. Даже очки она надеть толком не может, крутит их то так, то сяк. Это выглядит смешно, над таким смеются, понимаешь? Каждый должен заниматься своим делом и не браться за что-то, если руки не оттуда растут. Ученому – носить очки. Мартышке – есть бананы. Каждому свое, понимаешь?

Игорь: Угу.

Но он не понимал. Однажды ему купили и подарили ридер. Однажды ему купили и подарили смарт. Еще раньше ему вручили темно-шоколадного цвета ноут. И каждый раз на короткий промежуток времени Игорь становился мартышкой. Он тупил, заглядывал в инструкцию, искал на форумах. В результате разобрался, и все оказалось элементарным. И что же тут такого *смешного*, родные и близкие? Да звери в цирке выступают и способны на сложные и синхронные действия, если их как следует научить, на что и не каждый человек способен. Почему в басне Крылова никто не подошел к Мартышке и не научил ее надевать очки? И тогда ей сразу же стало бы понятно, что они ей не нужны. Почему вокруг только ржут? Почему вокруг одни докапывальщики?

Он не понимал. Фраза «каждому свое» вполне заслуживает быть выгравированной на могиле перспектив. Что это значит? Что значит – свое? То, что заложено? И что же такое *заложено*? А ни фиги не заложено, ребенок рождается и ничего не умеет. Учится держать ложку, учится ходить на горшок, учится вообще ходить. Учится петь и играть на гитаре. Почему никто

не объяснит ребенку: каждому свое, малыш, ты ж не умеешь ходить, это не твое, полежи пока. Может, травить ребенка просто не интересно, потому что он не поймет шутки юмора?

Зато Игорь понимал другое. Он понимал, почему все его попытки улучшить успеваемость в школе приводили к фиаско, а порой даже натыкались на агрессию. Каждому свое, фигли! Игорь не удивится, если узнает, что учителя тайком угорали над ним в учительской, сравнивая его с Мартышкой. Крылов всех научил хорошему.

Мама: Ну а «Кукушка и Петух»? Ты написал, что тебе понравилось и ты увидел в басне смысл. Какой?

Игорь: Что нужно быть вежливым. Один хвалит другого, тот хвалит в ответ. Всем приятно.

Папа: Что-то в этом есть.

Мама: В этом есть полный бред. Игорь, ты как с луны свалился. Вроде ты столько книжек читаешь. О чем ты там читаешь, интересно знать?

Папа: Может, Плейбой.

Мама: Плейбой не читают. Чего там читать? Мозгами просто нужно шевелить иногда, вот и все. Думай, Игорь, головой. Не задним местом. Кукушка и Петух говорят неправду. На самом деле, один хвалит другого только для того, чтобы тот похвалил в ответ. Это называется – лицемерие. Они даже не понимают, о чем хвалят, оба петь не умеют. Смысл такой вежливости? Понимаешь?

Игорь: Угу.

Но он не понимал. Что значит тогда обмен репликами «Как дела? – Нормально» или «Хорошо выглядишь – Спасибо»? Это тоже лицемерие? Игорю нравится, как поют Леди Гага, Фредди Меркьюри и Тарья Турунен. Но раз он не бельмеса в музыке, он не имеет права ими восторгаться, потому как, бро, это – лицемерие? Игорь в восторге от того, как пишут Гарри Гаррисон и Стивен Кинг, но какое он имеет права быть в восторге, он что – писатель? Получается, так?

Папа: Игорюня, а если серьезно, ты бы в интернете почитал сначала, прежде чем сочинения писать.

Мама: Уж лучше так. Если своя башка не варит, лучше списать. А то: Крылов не понимает. Уж побольше нас всех. Ты почитай рецензии умных людей. Надо бы провести ревизию в твоих книжных залежах, что-то ты явно не то читаешь.

Папа: Так о чем я. В армии, говорю, был у нас баснописец один. Только он не басни писал, а эти, как их... Пьесы. Ибсен недоделанный. Пристал к старлею: нужен, говорит, в роте свой театральный кружок. Будем спектакли ставить. Он, значит, будет сценарии гнать, а мы на сцене кривляться. Его ребята побили слегка, он увял с этой идеей. Все строчил что-то втихаря по ночам. Мы решили проверить, что он там строчит. Думали, он обиду затаил и на нас пишет карикатуры какие-нибудь. Оказались настоящие рассказы про солдатскую жизнь. Мы начали читать и подсели конкретно. Извинились потом перед Ибсеном. Пацаны даже просили разрешения послать эти рассказы своим матерям и девчонкам. Больше Ибсена, естественно, никто не трогал. Дембельнулся тот классным парнем.

Вечер прошел в непростых раздумьях. Теперь Игорь мог ответить на вопрос, почему же он читает-читает, а ума все не прибавится. Нет никаких премудростей там, в книгах. Да и откуда им взяться, скажите на милость, если большинство писателей родились соловьями? А те, кто родились в условиях, граничащих с комфортными, стали настоящими соловьями-классиками! Их окружал достаток и дворянские чины, им были доступны школы, журналы и дома, в их распоряжении имелось свободное время, чтобы летать и петь. Соловьи не смотрят вниз. На тех, кто копошится в земле. Только если тот, кто копошится в земле, вдруг проявляет неуверенные признаки певца. Соловьи не знают премудростей, но они умеют стебаться. Они никогда не поймут трудностей осла или этого козла, которые не хотят больше впрягаться в ярмо, в

узду, пахать в поле, тупо жрать корм, идти на убой. Они вдруг хотят чего-то большего. Сочинять музыку, петь песни, писать стихи, танцевать или рисовать картины. Но условия их жизни таковы, что они даже не знают, с чего начать. И спросить совершенно некого. Окружение не поймет, а Соловьи – позабавятся. Они искренне думают, что нужно начинать с правильного сидения. И это, мать вашу, очень *смешно!*

Их миллионы и миллионы. Мальчишек и девчонок, живущих в условиях «пастбища». Которые смотрят телевизор, читают книги, ходят в школу и в дзюдо, играют в игры, а еще – мечтают. Кем ты хочешь стать, малыш? Я хочу стать президентом! А ты? Я мечтаю стать актрисой. А ты, Игорек? Я хочу избавить мир от докапывальщиков. Но над головами – шайка прощелыг-соловьев, хихикающих сверху. Все эти ослы, козлы, бараны да мохнатые мишки могут мечтать о чем угодно, все это – бесполезно, потому что они элементарно не знают, с чего начать. Их удел определен: бесконечно пересаживаться с места на место, полагая, что в этом ключ. Так работает система, и годы уходят. Годы утекают, время идет, будущее не наступает, мы просто стареем здесь и сейчас, а мечты – что ж, мы все хорошо это знаем. Мечты остаются мечтами.

И чему же, во имя всех святых, могут научить такие *писатели?*

В тот вечер Игорь плакал.

Однако больше всего его поразило и закрепилось в памяти то, что его папа знал Генрика Ибсена.

Глава 8. У Петрова-3.

– Я просмотрел твою анкету. На этой неделе у тебя день рождения. Поздравляю.

– Спасибо.

– Как будешь справлять?

Игорь пожал плечами и собрал руки в замок на коленях. Он по привычке смотрел в окно, а там сегодня наяривал дождик, мерзкий, как зубная боль. Детская площадка пустовала.

– Никак... С родителями...

– Как-то не чувствуется настрой, – хмыкнул Петров. – Не любишь?

– Нормальный праздник...

Да уж, нормальный, по тебе видно, что ты вне себя от счастья.

– А есть какой-то праздник, чтобы для тебя прямо – ах? Море эмоций?

Игорь поерзал.

– Я вообще не понимаю, зачем нужны все эти праздники. Праздновать можно и без даты.

– Для чего-то люди по всему миру назначают даты. – Петров пожал плечами. – Собираются и веселятся. Бывает, что небольшими компаниями. Бывает, что целым городом. Или целой страной. И многие действительно ждут этих праздников. И ждут не только для того, чтобы накуролесить. Искренне ждут, искренне радуются.

Игорь расцепил руки на коленях, почесал нос, потом опять сцепил. Только сейчас Петров заметил, что у Игоря мокрые волосы, и с них периодически на лоб сползают капли. Он что, без зонта шел?

– Я думаю, их просто приучили...

– А если подробнее?

– Ну это как в садике. Детям говорят: сегодня праздник. Утром родители говорят, пока в садик ведут, потом воспитатели говорят целый день. А дети – они не понимают, для них день как день. Для них каждый день праздник. Чтобы они хорошенько поняли, подкрепляют слова какими-нибудь подарками. Ставят елку. Наряжаются в костюмы. Водят хороводы. Если кто-то канит, его ругают. Заставляют радоваться, потому что все радуются. Праздник же, нужно радоваться. Ты какой-то не такой, если не радуешься и не водишь хороводы. Так и привыкают.

– Во всем есть мотив, – возразил Петров. – Ты говоришь – все привыкают. Но тогда есть те, кто приучает. В чем мотив тех, кто приучает, как по-твоему? Ведь это – не просто хотелки старших. Это – государственная политика многих цивилизованных стран. Трудно политику списать на привычку, ты не думаешь?

Игорь поерзал в кресле, видимо, раздумывая, стоит ли откровенничать или нет. Потом вдруг расслабился, и Петров прочитал у того на лице отчаянную решимость: будь что будет.

– Я думаю, об этом сначала написали... – проговорил он.

Книги. Уже во второй раз Игорь сводит разговор к книгам. Помимо диктофона Петров держал в пределах досягаемости листок с ручкой для самых важных пометок. Раньше он делал пометки на компе, но быстро отказался от такой тактики – стук клавиатуры здорово сбивал настрой. Сейчас он мягким движением привлек к себе ручку и вывел на чистом листе одно слово.

КНИГИ – ???

– Написали о чем? – машинально уточнил Петров.

– Ну, о праздниках. – Голос Игоря звучал нарочито буднично. – Никто не знал о них, люди жили себе и жили. Потом кто-то придумал их. Какой-нибудь *писатель*. Они называют это озарением. Или вдохновением. Еще называют инсайтом. Много названий этому. Придумал однажды и написал в книге. Другие прочитали и поверили. Они подумали, что где-то действительно они есть, эти праздники. Или были в незапамятные времена, а потом забыли, а писатель

вспомнил, или прочитал древние рукописи. Все так думают и верят. Начинают тоже устраивать праздники. Потом другие тоже пишут, но уже по шаблону. Так это распространяется. Даже сейчас пишут. Во всех книгах. В календарях – красным цветом помечают, чтобы не забыли и не занялись чем-то еще. Нужно водить хороводы. И ты какой-то не такой, если не водишь хороводы. Почему-то это очень важно – водить хороводы в строго определенные дни.

Петров обескураженно покачал головой.

– Ну так про все, что угодно, можно сказать. Не только про праздники.

Игорь кивнул. И вновь это вышло у него нарочито буднично, как будто излагал прописные истины.

– Я тоже так думаю. Все вокруг. Все, что есть. Все это сначала появилось в книгах. Это сначала придумали и написали.

А вот это уже круто! Сейчас этот тип вещает о «гипотезе симуляции» и «виртуальной вселенной». И очень сомнительно, что они проходили это в школе. Идея явно не содрана, она сформировалась внутри самого Игоря, и это без всяких натяжек и допущений можно назвать нонсенсом. Гипотеза симуляции предполагает компьютерную модель мира, некую высшую надпрограмму, моделирующую реальность для каждого человека. Игорь же толкует о материальном носителе. Об обычных, черт возьми, книгах! Которые тоннами валяются в магазинах, потому как в современном мире, кажется, пишет любой, кому не лень. А те, кому лень, – поют.

– Ты имеешь в виду Бога сейчас?

Игорь мотнул головой.

– Зачем Бога? Людей. Книги же люди пишут. Ну, может, когда-то давно рептилоиды писали. – Он фыркнул. – Но это спорный момент.

Тема, в принципе, не нова. Наиболее полное отражение эта тема нашла в фильме Карпентера «В пасти безумия». Там или сям в литературе встречаются такие вундер-идеи о том, что все мы – герои какой-то внешней истории. А вокруг – сон, модуляция. Мы снятся одному человеку, какому-нибудь Нео. Все эти идеи восходят корнями к Чжуан-цзы – китайский философ, давно умер. Приснилось ему как-то, что он мотылек. Это был очень реалистичный сон, а потом чувак проснулся, смотрит: никакой он не мотылек, а очень даже Чжуан-цзы. И с того момента у парня переключилось. Он спросил себя: где истина? Быть может, он и есть мотылек, а снится ему, что он – Чжуан Цзы? Ведь и в том, и в другом ментальном состоянии ощущения были одинаково реалистичные.

Это – предтеча, как галогруппа. Все остальные «матрицы» базируются на истории с Чжуан-цзы. Но ведь та история – не просто легенда, передаваемая из уст в уста. А задокументированный, *написанный* факт! Чжуан-цзы состряпал книгу, где и описал свою дилемму с мотыльком. И книжку назвал без смущения «Чжуан-цзы». Есть ли вероятность того, что Чжуан-цзы испытал просто-напросто озарение, инсайт? А уже после того, как он перенес идею на бумагу, в мире возникли предпосылки к «гипотезе симуляции»?

Да уж, идея-то не нова, но Игорь Мещеряков ее здорово апгрейдил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.